

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ДЕСЯТЬ ПУЛЬ НА СУНДУК

МЕРТВЕЦА

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Десять пуль на сундук
мертвеца (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Десять пуль на сундук мертвеца (сборник) / Н. И. Леонов —
«Эксмо», 2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-77699-3

Выстрелом в голову убит полковник МВД Георгий Шамин. Заведено уголовное дело, к поиску преступника подключаются все силовые ведомства Москвы. Полковникам Гурову и Крячко приказано «отработать» личные связи убитого. Сыщики вскрывают электронную почту Шамина и обнаруживают письмо с угрозами. Отправителем значится некий Хорь. Гуров поднимает архивы и узнает, что под позывным «Хорь» в МВД служил высококлассный снайпер Алексей Рубич, начальником которого был не кто иной, как Шамин. Все указывает на то, что полковника убил Рубич. Но есть одно «но». Хорь погиб в Чечне десять лет назад...

ISBN 978-5-699-77699-3

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Десять пуль на сундук мертвеца	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Леонов, Алексей Макеев

Десять пуль на сундук мертвеца (сборник)

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Десять пуль на сундук мертвеца

Глава 1

Эта неприятность произошла с Георгием Павловичем Шаминым неделю назад. Как такое могло получиться, он затруднялся объяснить. Когда дослужился до полковника, когда по старой солдатской закваске всю жизнь сам гладил свои мундиры и вдруг... прожечь рукав кителя! Как говорится, и на старуху бывает проруха. До майских праздников всего неделя, а Шамин каждый год с друзьями и старыми сослуживцами собирался в этот день у Исторического музея. И не потому, что они были приверженцами советской власти и чтили 1 Мая в «том» смысле. Просто это стало традицией по многим причинам. И собирались они в парадной форме, при всех наградах. А тут... Правда, и парадный мундир уже потерял свежесть, и внешний вид оставлял желать лучшего, но...

И Георгий Павлович ринулся в военное ателье в надежде, что удастся уговорить мастеров сшить хотя бы китель. Но там его ждало сильное разочарование, потому что заказы принимали уже на август. Неожиданно помогла одна из закройщиц. Она посмотрела на понурый вид статного и еще молодежавого мужчины, отозвала его в сторону и дала совет. Был у закройщиков военного ателье, оказывается, один знакомый, фактически партнер, который шил прекрасные мундиры на дому. И многие старшие офицеры, особенно те, кто с возрастом приобретал уже далекую от стандартов фигуру, обращались, как правило, к нему.

Шамин взял номер телефона, буквально выбежал на улицу из здания ателье и тут же стал его набирать. Он понимал, что и у «надомника» может оказаться столько работы, что он просто физически не успеет сшить за неделю китель и форменные брюки.

Наступило 29 апреля. Георгий Павлович стоял перед высоким зеркалом в квартире на проспекте Мира и разглядывал себя в новом парадном мундире с золотыми полковничьими погонами. Мастер, которого звали Борис Аркадьевич, худой, высокий, чуть горбившийся и при ходьбе припадающий на одну ногу, суетился вокруг клиента, собирая обрезки ниток, стряхивая невидимые пылинки и поглаживая отутюженные плечи и рукава.

– Ну как? – повторял мастер уже в третий раз. – Принимаете работу? Кажется, сидит. Замечательно сидит!

– Да-а, – удовлетворенно кивнул Шамин, поворачиваясь перед зеркалом и усердно втягивая живот. – Не зря мне про вас говорили, не зря. Золотые у вас руки, Борис Аркадьевич.

– Ну-у, – довольно ответил мастер, – опыт все же. Великое дело – опыт. Фигуру видеть надо, ощущать. Все-таки сорок лет шью! Генералам и маршалам шью. Вы награды-то принесли? А то ведь разметить надо, дырочки проделать, заштуковать. Тут еще работы на полдня.

– Беда, Борис Аркадьевич, – сокрушенно покрутил головой Шамин. – К вам спешил и домой не заехал, как из головы вылетело. Каюсь!

Ситуация была пренеприятнейшая. Борис Аркадьевич и так, вняв его мольбам, отложил пару заказов. А сегодня Шамин, возвращаясь из загорода, решил первым делом заскочить к своему мастеру, потому что тот еще вечером просил его заехать и принять работу. И обязательно привезти награды, чтобы он успел их разместить по всем правилам и в соответствии с существующими требованиями. Георгий Павлович решил, что награды подождут, важнее сам мундир посмотреть, вдруг где-то морщить будет, где-то окажется коротко или, наоборот, длинно. Такая уж была «закваска» у полковника Шамина. Всегда и во всем он умел находить недостатки. Вот и здесь был почти уверен, что придется еще что-то доводить и доделывать,

поэтому и не бросился домой за наградами. Правда, заехал в сбербанк и снял через банкомат деньги для расчета за мундир.

– Вы, Борис Аркадьевич, пока другими делами занимайтесь, – вкрадчиво проговорил Шамин, заглядывая в глаза мастеру. – Два часа, и я у вас со всем комплектом. Я быстро! – И, чтобы смягчить сердце мастера, стал поспешно доставать бумажник из брошенной на диван куртки. Борис Аркадьевич вздохнул и молча принял шесть пятитысячных купюр.

– Сейчас я вам полторы тысячи сдачи принесу, – кивнул он и двинулся в сторону дальней комнаты.

– Будет вам, Борис Аркадьевич, – попытался остановить его Шамин. – За такую работу не жалко и премию вам выплатить не нужно...

– Нет, нет, нет, – не оборачиваясь, пробурчал мастер, удаляясь в комнату. – Как договаривались, так и должно быть. У нас все по уговору, а то клиентов терять будем.

– Ну, как хотите, – поворачиваясь, то одним, то другим боком, проговорил полковник. – Хозяин – барин.

Мастер вошел в комнату, открыл ключом на цепочке дверку старинного дубового стола, с трудом присел на корточки и достал второй ключ, побольше. В столе был вмонтирован вполне современный дорогой сейф с замочной скважиной и дополнительным цифровым замком. Он с кряхтением стал отпирать сейф, когда услышал, как стукнула входная дверь. Еще один клиент появился? Или полковник ушел, так и не забрав сдачу. Вот суетливый какой попался. Одни проблемы с его заказом. То лекала под его фигуру пришлось долго подбирать, потом Шамин награды забыл привезти. Теперь еще с этой сдачей. Он считает, что может отблагодарить полуторами тысяч. А для Бориса Аркадьевича эта сумма, как подачка. Даже унижительно такие чаевые получать. Он мастер, его работа стоит хороших денег, а не мелких чаевых.

В комнате что-то громко хлопнуло... или треснуло. Борис Аркадьевич вздрогнул и уронил стул, на который опирался локтем. Что там такое? Может, лампочка в люстре взорвалась? Давно надо было поменять все лампочки накаливания на энергосберегающие, да все руки не доходят. Трудно лезть под потолок в каждой комнате, а приглашать посторонних в квартиру, даже если это электрик, Борис Аркадьевич не любил.

Громя стулом, ругаясь на свою непослушную, измученную артритом ногу, он поднялся с пола и подошел к двери. Открыв ее, не успел шагнуть в гостиную, как увидел ужасную картину. Его клиент, в новеньком, свежесутуженном парадном полковничьем мундире, лежал на полу в нелепой позе с открытыми глазами, которые неприятно тарасились на мастера. А на полу вокруг его головы растекалась огромная, неопишимо огромная лужа крови. Ноги Бориса Аркадьевича подогнулись...

Лев Иванович Гуров давно привык к тому, что самые сложные дела в его работе возникают неожиданно. И тут действует не пресловутый и многими так часто поминаемый «закон подлости». По мнению Гурова, причина как раз в том и лежит, что они обычно имеют в своей основе хорошо подготовленное преступление. Или запутанную мотивацию, что приводит к тому, что даже сами участники дела, от подозреваемых до потерпевших, не могут до конца разобраться в сути дела. Или в их оценке происходящего очень большая разница, вплоть до противоположности мнений.

Станислав Крячко подобрал Гурова на Остоженке. Приветственно помахав инспектору ДПС, он влился в поток машин и помчался в сторону проспекта Мира. У Станислава Васильевича Крячко, давнего напарника и старого друга Гурова, всегда и везде находились свои люди, приятели, просто хорошие знакомые, которые могли помочь, подсказать, подтолкнуть. Создавалось впечатление, что полковника Крячко знали все и везде. Таковы результаты общительности его натуры, которые особенно ценны для работника уголовного розыска.

– А нас-то чего дернули? – привычно проворчал Стас, перестраиваясь из ряда в ряд. – Это дело Управления собственной безопасности.

– Полковник Шамин уже три года как на пенсии, – подсказал Гуров, глядя в окно машины на залитые весенним солнцем улицы.

Весна в этом году была ранняя и могла оказаться очень и очень теплой. Как бы не перешла она потом в жаркое лето и не повторила свою выходку 2010 года с аномальной жарой и затянутым смогом городом из-за горевших в Подмоскowie торфяников.

– Зачем убивают пенсионеров? – философски спросил Крячко в пространство. – Чтобы ограбить. Давай поспорим, что это – сосед-наркоман, которому очень нужна была доза. А пенсионер – такая простая добыча.

– Шамин был довольно крепок, – подсказал Гуров. – Он с друзьями по воскресеньям на «Динамо» играл в футбол. А убит он не в своей квартире.

– Да-а? – Крячко с интересом глянул на Гурова. – Любовница?

– Нет, это квартира некоего Гроховского Бориса Аркадьевича. Он занимается индивидуальным пошивом на дому, в частности, военной и полицейской формы. У него в списке постоянных клиентов много высокопоставленных офицеров, поэтому налоговой полиции он не боится.

– Так-ак, – задумчиво произнес Стас. – Я так полагаю, что версия виновности этого Гроховского даже рассматриваться не будет. Ладно. Из того, что ты тут наговорил, складывается интересная мозаика.

Крячко всегда с легкостью ориентировался на улицах. И если в Москве все можно было списать на привычную среду и профессиональное знание улиц человеком, всю жизнь проработавшим в Москве, то в других городах Станислав Васильевич просто поражал. Ему достаточно было потратить пять минут на изучение карты города с почти миллионным населением, и он уже легко ориентировался по памяти, находясь за рулем автомобиля.

Покрутив головой, Крячко решительно перестроился в правый крайний ряд, потом сбросил скорость, снова включил правый поворотник и свернул между двумя жилыми домами.

– Кажется, здесь, – показал он рукой вперед, где стоял микроавтобус с полицейской символикой на бортах. – А вон и опергруппа уже работает.

Они поднялись на третий этаж, где у распахнутой двери квартиры стоял коренастый сержант с внимательными глазами. Крячко предъявил свое служебное удостоверение и первым вошел в прихожую, в которой под надзором молодого старшего лейтенанта с большой черной папкой под мышкой топтались мужчина в вытянутых трико и женщина с испуганными глазами в домашнем халатике. Понятые.

– Привет, Оксана! – шумно ввалившись в гостиную, поздоровался со следователем Крячко. – Заканчиваешь?

Женщина, не отрываясь от протокола осмотра места преступления, кивнула, продолжая шевелить губами, проговаривая про себя формулировки. Седой щуплый эксперт с погонами майора, закрывая свой серебристый чемоданчик, весело блеснул глазами и протянул Крячко руку:

– Элита повалила косяком? Здорово, Станислав Васильевич. И вы здесь, Лев Иванович? Здравствуйте.

Гуров пожал руку эксперту, разглядывая распростертое на полу крупное мужское тело в полицейском мундире. Он сразу представил, как человек падал, заваливаясь на бок. Как ударился спиной о диван и свалился возле него. Вон и следы крови на диване. Выстрел? Проломили голову чем-то тяжелым и острым?

– Пойдемте на кухню, – предложил эксперт, – чтобы Оксане Дмитриевне не мешать. В общем-то, ничего незаурядного, но вопросов пока много.

Они втроем прошли в просторную кухню и прикрыли за собой дверь. Посуда, стенки шкафов, ручки мебели и поверхности вокруг ручек – все было осыпано черной пудрой. Эксперт здесь собирал возможные отпечатки пальцев.

– Ну, рассказывайте, – произнес Гуров, садясь на табурет и смахивая со стола незримые крошки в том месте, где собирался положить свой локоть.

– Не берусь пока делать конкретные выводы без результатов вскрытия, – начал эксперт, облокотившись на холодильник, – но в голове у полковника явно пулевое отверстие. Я точно видел простреленных голов, чтобы вполне уверенно утверждать, что стреляли из пистолета 9-миллиметровой пулей. С какого расстояния? Надо изучать рану, поискать остатки пороха на волосах. Тот факт, что пуля осталась в черепе, еще ни о чем не говорит. Кстати, и пулю хорошо бы исследовать.

– Гильзу, я так понимаю, не нашли?

– Гильзы нет. На полу рядом с телом убитого лежал его бумажник. Пустой! Там фотография женщины в возрасте самого Шамина, видимо, жены. Еще пять штук визитных карточек, тоже принадлежащих самому Шамину. А денег в бумажнике нет.

– Ограбление? – хмыкнул Крячко и неопределенно покрутил головой. – Что-то как-то по-опереточному. Или как в плохом детективном романе. Короче, по твоей линии тут пусто?

– Посмотрю пальчики, которые я тут нашел, тогда может что-то...

Дверь в кухню вдруг открылась, и на пороге появилась следователь Оксана Дмитриевна в обтягивающем ее плотную фигуру кителе.

– Ну что, товарищи полковники? Увозим тело?

– Да, наверное, – кивнул Гуров. – А что показал хозяин квартиры?

– Лев Иванович, – вздохнула следователь, – ну, посудите сами. Два человека в пустой квартире. Одному простреливают голову. Кто является первым подозреваемым? Я понимаю, что версий впоследствии может появиться много, да и вскрыется множество. Но сейчас-то? К тому же он в данный момент в состоянии аффекта.

– Ясно, вы его забираете с собой и будете допрашивать в кабинете?

– А как еще?

– Ладно, – Гуров кивнул и попросил Крячко: – Стас, позови-ка сюда участкового. Если он еще там, в прихожей.

– Я поеду? – отлепился от холодильника эксперт. – Если что проявится, я вас наберу.

– В любом случае, – покачал головой Гуров. – В любом. Есть результат, нет ли результата. У меня сейчас какое-то раздвоение личности. С одной стороны, все выглядит как заурядная «бытовуха» из времен моей молодости, а с другой... Такие дела хорошо переходят в разряд «висяков», или, как модно говорить среди современных молодых сыщиков, разряд «глухарей».

– Это понятно, Лев Иванович, – нагибаясь и поднимая с пола свой большой чемоданчик, согласился эксперт. – Когда перед тобой не абстрактное тело, а тело, одетое в мундир полковника полиции, может произойти раздвоение.

Крячко вернулся с участковым и, посмотрев вслед ушедшему эксперту, спросил:

– Ты его знаешь?

– Нет, видел в МУРе как-то. А что?

– Слывет философом и любителем поговорить, – усмехнулся Стас. – Криминалист, говорят, от бога, но работать с ним в одном кабинете – каторга. Ну фиг с ним, вот это Сергей Сумороков, местный участковый. По причине вакансии должности старшего участкового уполномоченного один во всех лицах. Ему велено и квартиру опечатать. Так?

– Так точно, – вяло подтвердил старший лейтенант.

– А что это ты такой невеселый, а, Сумороков? – удивился Гуров.

– Канитель же сплошная. Если мне поручили, то задергают ведь! Любой, кому захочется взглянуть на квартиру, изъять какую-то безделушку. Следователь начнет звонить, меня к себе

требовать, выдавать ключи. Я должен ехать открывать, искать понятых для изъятия безделушки, потом запирать, опечатывать, потом отвезить ключи обратно следователю. А если местные пацаны из хулиганских побуждений пломбы сорвут, то снова ехать к следователю, потом опечатывать, потом... Короче, тихий ужас. Я то знаю, проходил уже.

– Пессимист! – с удовольствием посмотрел на участкового Крячко. – Из двух зол – этот вариант наиболее приемлемый. Лучше уж опытный пессимист, чем неопытный оптимист. Ты, парень, забыл, что, кроме следователя, у тебя теперь есть еще и мы с полковником Гуровым.

– С вами я хоть делом заниматься буду, – неожиданно выпалил старший лейтенант.

– Сразу вижу, что есть идеи, – хитро улыбнулся Лев.

– Есть, – с вызовом ответил участковый. – В этом подъезде, между прочим, живет один парень из категории неблагополучных, из группы риска, так сказать. Его фамилия Скляр. Я его три раза пытался на лечение отправить, один раз до суда довел, только ему распространение наркотиков не доказали.

– И ты его не смог до сих пор взять с поличным? – удивился Крячко.

– Не смог. Он пропадает где-то все время. Это в ваше время было хорошо, когда можно было привлечь человека за то, что он нигде не работает.

– За тунеядство.

– Да, за тунеядство. А сейчас их и прижать нечем.

– Ладно, в сторону теорию, – поднял руку Гуров. – Что ты имеешь против этого парня, применительно к убийству? Он мог убить с целью ограбления?

– Думаю, что мог. Во всяком случае, это реальная версия. Посудите сами. Этот Скляр прекрасно знает, как и все в подъезде, чем занимается на дому Гроховский. Он знает, что к Гроховскому ходят с деньгами. Поэтому мог также знать, что Шамин пришел за готовым мундиром, а значит, с деньгами, может, даже и с наградами. Вполне допускаю, что он мог прокрасться в квартиру и убить Шамина. Гроховский был в это время в другой комнате. Выстрел, Скляр хватает бумажник, выгребает пачку денег и уходит.

– Разгар рабочего дня, – поддакнул Крячко, – в подъезде в это время никого нет. Чем не версия, а, Лев Иванович?

– Годится, – согласился Гуров, вставая с табурета. – Тогда ищи этого своего Скляра, выясняй, где он был в момент убийства, благо, мы знаем этот момент с точностью до минуты. Будет нужна помощь, звони. Пошли, Станислав Васильевич. Ребята из МУРа заняты поквартирным обходом, надо поговорить.

У подъезда, несмотря на заверение Крячко, что рабочий день в разгаре, собралось человек десять – от старушек до явных школьников. Даже двое мужиков в спецовках торчали тут неизвестно зачем.

– О-о, вышестоящей организации большой привет! – раздался сбоку голос.

Гуров обернулся и увидел здорового белобрысого детину, отходившего от группы молодых людей, стоявших возле дежурной машины ГУВД Москвы.

– Здорово, Пал Палыч! – Лев с улыбкой подал мужчине руку. – Ты тут командуешь?

– Я, Лев Иванович! Вот, расставляю ребят, инструктирую. Вы как? По этому делу, на контроль берете?

– Пока да, а там видно будет. Если тут все на бытовом уровне, то...

– Если, – усмехнулся оперативник. – В нашем деле самое распространенное слово и самое вредное. Ни на один вопрос не отвечает, а только добавляет новых.

– На философию потянуло? Неужто в звании повысили?

– С полгода уже как подполковник, – развел руками сыщик.

– Ну, поздравляю. Слушай, Пал Палыч, ты сейчас к себе? Захвати меня.

– А Крячко? – посмотрел тот на напарника Гурова и приветственно поднял руку.

– Он занят.

Стаса Гуров отправил в кабинет сочинять план работы по делу об убийстве полковника Шамина. Дело это сложное, щепетильное и не такое уж и бесполезное. Грамотно составленный план работы – результат глубокого понимания произошедшего, соединения интуитивных мыслей, опыта сотрудника уголовного розыска и полученных обрывочных сведений и иной информации, которая может хотя бы косвенно относиться к делу. Хороший план – это концепция, определяющая весь ход оперативного розыска, все основные направления, которые, как правило, преобразуются в версии в первые двое-трое суток. Если, конечно, преступление не раскрыто «по горячим следам».

– Собака след не взяла, – недовольно прокомментировал звонок Пал Палыч, откладывая трубку мобильного. – Хреновый признак.

Гуров промолчал. Подполковника Волкова он знал еще молодым лейтенантом, когда тот только пришел в МУР. И его почти сразу стали все звать именно Пал Палыч. И потому, что он имел те же имя и отчество, что и знаменитый некогда следователь Знаменский из старого советского сериала «Следствие ведут знатоки». И потому, что уже тогда лейтенант Волков отличался рассудительностью, дотошностью, особым вниманием к мелочам.

Гуров беседовал с Борисом Аркадьевичем Гроховским около двух часов в кабинете Волкова. Ничего нового к своим показаниям этот человек не смог добавить. Но Гурову сейчас важно было составить свое собственное впечатление о личности подозреваемого, попытаться понять его, заглянуть вглубь. Подозревать его можно еще долго, но строить все версии именно на работе с ним нельзя. Тогда весь розыск пойдет прахом. Надо очень четко представлять, мог ли этот человек быть убийцей или не мог.

Да, объективно Гроховский мог убить Шамина по нескольким причинам. Отказ платить деньги за работу, оскорбление, с этим отказом связанное, оскорбление, связанное с национальными признаками Гроховского, другие причины, которые могут существовать, но пока не пришли в голову. Но всегда существует другая грань оценки человека как потенциального преступника. А смог бы этот человек убить? Очень важно различать два понятия – «мог» и «смог».

Гуров внимательно смотрел на портного. Можно сыграть страх, можно сыграть любые эмоции, но нельзя скрыть физической немощи. А Шамин был крепким мужчиной. Выстрел? Подошел сзади и выстрелил? Мог, теоретически мог. Второй вопрос, а зачем это успешному, хорошо зарабатывающему мастеру, для которого эта работа смысл всей его жизни и, кстати, единственный ее источник? Чтобы решиться одним махом все перечеркнуть, должна быть причина незаурядная. И Гуров мысленно сделал себе пометку порыться в прошлой жизни Гроховского и проверить все пересечения с жизненной линией Шамина, пересечения общих знакомых, родственников. Если таковые обнаружатся.

Звонок на мобильный телефон застал Гурова, когда он выходил из здания на Петровке и садился в ожидающую его машину, присланную из Главка.

– Слушаю, – посмотрев на незнакомый номер, сказал он.

– Товарищ полковник, это участковый, старший лейтенант Сумороков. Склера видели на Северном рынке. Я сейчас здесь, попытаюсь его найти.

– Ты один там? Справишься? Может, тебе в помощь кого прислать?

– Обойдусь, дело обычное! Рынок – это наш участок. Тут напарник мой, трое ребят из ППС, кое-кто из местных помогут, ребята надежные, не раз выручали. Справимся. Если он еще здесь, достанем. К тому же, говорят, он ведет себя странно, как будто таится.

Гуров приехал на Северный рынок через тридцать минут. Во-первых, ему было по пути. Во-вторых, сыщик понимал, что сломать задержанного легче всего именно сейчас, если он причастен к убийству. Именно первые часы обычно решают все. Потом... Потом наступают тяжкие, томительные дни, недели и месяцы допросов, предъявления новых улик, оперативных

разработок. Потом только доказывать. А «колют» преступника обычно в первые часы. Потом поздно.

Пока он разыскал опорный пункт полиции на территории рынка, все было кончено. Щуплого невзрачного парня лет двадцати пяти, одетого в дешевый черный спортивный костюм, вели между рядами со стороны туалетов. Впереди деловито вышагивал Сумороков, за ним двое патрульных вели задержанного. Двое мужчин, идущих следом с решительными лицами, наводили на мысль, что Склера взяли не просто так, а уже за что-то. И эти двое, судя по выражению их лиц, или потерпевшие, или свидетели.

Гуров вошел в опорный пункт следом за группой. Увидев его, участковый вскочил из-за стола, где готовился писать официальные бумаги.

– Взяли, товарищ полковник! Вот он, этот Скляр!

От неожиданности и громкого звания «полковник» перед незнакомцем в гражданском костюме вскочили со стульев все, даже двое потерпевших. Оказалось, что все произошло весьма прозаично. Склера задержали именно эти двое мужчин, когда парень стянул из их машины борсетку. Патрульные полицейские оказались практически рядом и сразу вмешались, вызвав и старшего лейтенанта Суморокова к автомобильной парковке, где все произошло.

Скляр сидел, понунив голову, но особого раскаяния в его лице Гуров не увидел. Скорее на нем было выражение горечи, что все сорвалось и теперь его посадят. Первый допрос Лев взял на себя. Не упоминая квартиры Гроховского и произошедшего там убийства, он стал методично выяснять, где и как Скляр провел сегодняшний день. Если парень не врал и если его дружки и знакомые подтвердят его слова, то у него была масса вариантов алиби. Так складно придумать себе алиби сложно. Даже просто в принципе договориться с кем-то, чтобы потом все сошлось до мелочей. А тут сразу человек пять, с которыми он встречался с самого утра в трех разных местах города.

– Вот что. – Гуров вывел Суморокова из кабинета. – Тебе спасибо за оперативность. Сработал просто отлично. Да еще на «кукан» его подсадил. Теперь с ним работать будет легко. Я сейчас позвоню в МУР, чтобы ребята приехали и забрали его. Там из него вытрясут все и проверят все его байки. А я тебя вот что попрошу сделать. С тобой свяжется подполковник Волков из МУРа. Он руководит поквартирным обходом в этом доме и в соседних. Помогите им с жильцами, кого знаешь. Ну, может на кого компромат есть, кто в чем-то предосудительном был замешан или положительное мнение о ком имеешь. Надо убедиться, что полученная информация от жильцов объективная.

У генерала Орлова они собрались в восемь вечера. Крячко сразу по-хозяйски занялся чайником и печеньем на маленьком столике в углу. Гремя чашками, он периодически поддакивал Гурову и подавал реплики.

– На сегодняшний час, – посмотрел на наручные часы Лев, – поквартирный обход ничего не дал. И думаю, что не даст больше ничего. Разгар рабочего дня, все на работе, а кто дома, то уже ходил в магазин или в ЖЭК с утра. У подъезда на лавочке старушек еще нет – жарко.

– А Гроховский, ты полагаешь, убить Шамина не мог? – спросил Орлов, задумчиво покручиваясь из стороны в сторону в рабочем кресле.

– Полагаю, что не мог. Ни по каким меркам ему не было резона убивать. Это как... как разные понятия: лошадь и арифметика. Не вяжутся они в одно преступление.

– Тут другое, – подал из угла голос Крячко. – Почему убийца не шлепнул еще и хозяина квартиры? Оставить такого свидетеля! Вот вам загадка!

– Он мог быть убежден, что хозяин его не видит, – пожал плечами Лев.

– А я со Стасом согласен, – сказал Орлов. – Частенько убивают лишь из-за того, что человек мог стать свидетелем. На всякий случай. Во время грабежей так поступают очень часто, а тут убийство. Эту мысль стоит тщательно проработать, учтите ребята.

– Это понятно, – согласился Гуров. – Меня беспокоит немного другое: все приходит и приходит на ум мысль, что Гроховского хотели подставить. Не в том смысле, что кто-то вознамерился его посадить, а именно отвести наше внимание от себя, а подставить его, как одну из первых версий. Знаете, сразу мне в этом деле многое не нравится. Много нелогичного, непривычного. А если вдуматься, то чувствуешь, что логика как раз есть, только ускользает она. Информации для анализа недостаточно.

– А пуля? – спросил Орлов. – Что эксперты говорят?

– С пульей как раз все нормально, – ответил Станислав. – Пуля настоящая, «макаровская», оболочечная, со свинцовым сердечником от патрона, видимо «9×18 ПС гс ППО». Тульского производства – патрон правоохранительных органов. Массовая вещь, достать можно где угодно: в полиции, в службе судебных приставов, в ДОСААФе. Другое дело – оружие, из которого она выпущена. В лаборатории утверждают, что это самодельное гладкоствольное оружие без механического затвора. Короткий ствол, казенная часть, куда вставляется патрон, спусковой механизм и все.

– Понятно, – тихо проговорил Орлов, перестав крутиться в кресле. – Значит, допрос Гроховского ничего не дал?

– Почему не дал? – ответил на этот раз Гуров. – Дал сомнения в его виновности и даже причастности. На девяносто процентов я уверен, что мотив убийства нужно искать в прошлой профессиональной деятельности Шамина. А сегодняшнее убийство – даже не инсценировка. Его мог совершить человек, который, не имея возможности достать нормальное оружие, собрал просто макет одноразового использования.

– А про наше «но», Лев Иванович? – спросил Крячко, подходя с небольшим подносом, на котором дымились три чашки с чаем и стояли два блюдечка с печеньем и фруктовым джемом.

– Да, – кивнул Гуров, отодвигая руку и давая возможность другу поставить поднос на приставной столик. – Есть одно «но», которое не дает нам со Станиславом покоя. Видишь ли, Петр, чтобы убить человека с близкого расстояния, не надо чего-то изобретать. Шамина приход незнакомого человека, видимо, не насторожил. Он спокойно стоял или повернулся к нему спиной. Выстрел был произведен с близкого расстояния, меньше метра. Эксперты нашли на воротнике Шамина и на его волосах частички пороха.

– Зачем изобретать «пугач», если можно пырнуть ножом, да? – сказал Орлов.

– Не аксиома, конечно, но есть подозрение, что человек привык стрелять, а не ножом, как ты говоришь, пырять. Для него выстрел естественнее.

– Та-ак, – покивал Орлов головой, поднимаясь со своего рабочего кресла и усаживаясь рядом с Крячко у приставного столика. – Идея хорошая. Косвенная характеристика, но иметь ее в виду при дальнейших оценках можно. Хорошо! Значит, наркоман Скляр ни при чем?

– Чист, – прихлебывая с аппетитом чай, ответил Крячко. – Чист от пороховых следов. Если бы стрелял, то нашли бы частички и на рукавах, и на руках.

– Ладно, продолжайте работать со Скляром, на всякий случай. Пусть его в СИЗО поразрабатывают в камере, для очистки совести и для полной уверенности, что он тут непричастен. В остальном ваш план работы по этому делу одобряю. Значит, делаем упор на тех, кто мог освободиться из мест заключения и у кого осталось сильное чувство неприязни к Шамину. Запрос на послужной список Шамина я утром подпишу и отправлю коллегам. И ваши допуски к материалам тоже. Я там подключил заместителя министра, чтобы межведомственных трений не было. Что поручите МУРу?

– МУР пусть занимается бытовой темой, – грея ладони о горячие бока чашки, ответил Гуров. – Муж любовницы, любовник жены, сосед по даче и тому подобное. Мало ли из-за каких неурядиц могут возникнуть сильные неприязненные отношения, граничащие с ненавистью. А моральных уродов и скрытых психопатов, которые до этого себя никак не проявляли,

в нашей жизни достаточно. Вполне может всплыть какая-то глупейшая ссора и кретин, убивший из-за этого.

– Да, бывает и такое, – согласился Орлов. – У нас в Подмоскowie только за последнюю неделю два огнестрела на дороге из-за того, что двое не поделили полосу или один другого подрезал во время движения. Уродов хватает.

В квартире Шаминых атмосфера была тягостной, как и в любой другой, когда умирал кто-то из близких. Горе пропахло корвалолом и пропиталось женскими слезами. С черным крепом на стеклах мебели, экране телевизора и зеркалах.

Портрет полковника Шамина, стоявший в гостиной на отдельном столике с траурной ленточкой, был взят откуда-то из семейного архива. И не в форме с погонами, а обычное фото из жизни, наверное, на даче. Георгий Павлович снят чуть вполоборота, улыбающийся, ветер теребил его жиденькие седоватые волосы, а морщинки вокруг глаз выдавали возраст, хотя лицо светилось молодецкой удалью и радостью.

Дверь, по русскому обычаю, была не заперта. Заходили все: знакомые, соседи. Сидели с вдовой, вздыхали, соболезновали. Место под гроб было приготовлено в центре, где сиротливо жались друг к другу две табуретки.

Гурова встретил молодой мужчина, чем-то неуловимо похожий на покойного Шамина. Тот же высокий лоб, тот же большой, с чуть опущенным кончиком, нос, тот же жесткий взгляд близко посаженных глаз. Судя по выражению лица, мужчина был уверен, что пришли старые сослуживцы.

– Здравствуй. – Лев вытащил удостоверение и протянул. – Примите наши соболезнования, но, сами понимаете, надо работать. Мы бы хотели поговорить с вдовой, задать несколько вопросов.

– Я понимаю, – кивнул мужчина. – Хотя маме будет тяжело. Ведь только-только...

– А вы сын Георгия Павловича?

– Да... Владимир.

Они устроились в кухне. Хлопоты общения с редкими визитерами взяла на себя соседка в черном платке. А Владимир привел и усадил на стул статную, но сильно постаревшую женщину. Это было сразу заметно. Наверняка ей еще два дня назад не давали пятидесяти пяти лет, а сейчас она выглядела на все семьдесят. Гуров опять произнес свою вступительную речь с соболезнованиями и необходимостью работать, несмотря ни на что. Убийца не найден, и нужно сделать все, чтобы его найти в кратчайшие сроки. Дело чести, ведь убит полковник полиции, человек, который всю жизнь отдал служению в органах.

Женщина оказалась сильной духом. Она умудрялась разговаривать с сухими глазами, только иногда ее голос становился хриплым. Она откашливалась, отпивала из стакана воду и снова отвечала на вопросы. Владимир помогал ей, иногда отвечая за нее. Но в целом он ничем помочь не мог, потому что уже больше десяти лет жил в Питере, наезжая раз в год по каким-нибудь праздникам.

Они не имели представления, кто и зачем мог убить Шамина. Да, всю жизнь прослужил в органах внутренних дел, но чтобы кто-то когда-то... И отношения со всеми ровные, и друзей много.

– Он со всеми был в хороших отношениях, – твердила Ольга Сергеевна, – он со всеми всегда находил общий язык. Я не понимаю, не понимаю...

– Ему как-то негде и не с кем было враждовать, – пытался пояснить сын Владимир. – С соседями они с мамой живут бок о бок уже лет сорок. Общается... общался папа в основном со своими бывшими сослуживцами. У них сложилась своя компания пенсионеров МВД. И на рыбалку, и на шашлыки на даче, по выходным в футбол на «Динамо» они тоже вместе играют.

– Может, на футболе что-то произошло однажды? – осторожно спросил Крячко. – Знаете, Володя, как бывает в запале спортивного азарта! Неудачно толкнул, промахнулся по мячу и пнул соперника в голень, еще что-то в этом роде.

– И вы думаете, что из-за этого его могли убить? – Владимир посмотрел на Стаса как на круглого идиота.

– Вы не поверите, – ответил Крячко, – но за столько лет работы в уголовном розыске я был свидетелем еще более нелепых убийств. Вспомните, пожалуйста, может, хоть какие-то ссоры были?

– Мне кажется, вы сейчас начнете каждого прохожего подозревать, – вдруг сузил глаза Владимир. – Особенно тех, кто косо посмотрел на наши окна. Вам ведь говорят, что не было врагов у отца, не было. Его могли не любить, но его уважали. Некоторые и боялись.

– Стоп! – Гуров весь подался вперед, даже положил свою руку на кисть Владимира. – Вот сейчас, пожалуйста, поподробнее.

– Типун мне на язык, – проворчал молодой человек. – Я же сказал вам...

– Володя, – примирительно улыбнулся Лев, – а скажите, вы там у себя в Питере кем работаете?

– А это вам зачем? – удивился Владимир.

– Для обмена жизненным опытом. Так какая у вас профессия?

– Я – инженер-энергетик, работаю на судоремонтном заводе.

– Вот представьте себе, Володя, что я приеду к вам на завод и даже не вам, а инженеру, который тридцать лет проработал на вашем заводе по своей специальности, начну говорить, что не так и не то он делает. И, даже не владея терминами, начну ему подсказывать, как устроить энергоснабжение современного судна по энергосберегающим технологиям.

– Не вижу связи... При чем тут это?

– При том, что вы, ни дня не проработав в полиции, не имея представления о такой науке, как криминалистика, человек, далекий от теории оперативного розыска, советуете нам и легкомысленно высказываетесь, что в наших суждениях чушь, а что нелепость. Это нормально?

– Простите, но мы говорим об очевидных вещах...

– Месяцы кропотливой работы, – задумчиво глядя в лицо молодого человека, стал говорить Гуров, – в результате которой все-таки находится преступник, находятся в необходимом количестве веские улики, подтверждающие совершение им преступления, – это не очевидные вещи, это серьезный, тяжелый труд профессионалов. Простите, Ольга Сергеевна, что мы в вашем присутствии затеяли этот спор.

– Может, на даче тогда? – беспомощно взглянув на сына, сказала вдова.

– Что на даче, мама?

– Да в прошлые выходные. К нам ребята приезжали, сезон дачный открывали, как водится. Ну, выпили немного, шашлыки жарили. А отец о чем-то повздорил с соседями, что с торца у нас.

– Из-за чего? – тут же спросил Крячко.

– Не знаю. Я только услышала, что разговор на повышенных тонах, а потом Миша Загладин подошел к ним, и вроде все улеглось. Я спрашивала Жору, а он только рукой махнул. Может, им дым помешал или мы шумно себя вели. Да только, вы уж извините, товарищи, мы в вашей профессии мало понимаем, не Василий же Кириллович моего мужа застрелил.

– Это ваш сосед?

– Да. Вполне достойный человек, главным инженером работает в какой-то строительной компании. Неужто вы думаете, что из-за дыма или шумного веселья на соседнем участке он потом Жору выследил и застрелил?

– Нет, конечно, – заверил Гуров. – В такое и я бы не поверил, будь на вашем месте. И все же, поймите нас правильно, мы встретимся, с вашего позволения, с вашим соседом Васи-

лием Кирилловичем и побеседуем. Просто для того, чтобы быть уверенными, что там дело было пустяковое. Вы, Ольга Сергеевна, Василия Кирилловича хорошо рассмотрели во время ссоры с мужем?

– Я его совсем не видела, я за домом была. Ребята овощи привезли, мы их мыли под краном. Я шум услышала, вышла, а там уже все закончилось. Я даже не поняла, с кем там Жора повздорил, а он так и не рассказал. Потом забылось как-то.

Крячко все время, пока они разговаривали, поглядывал на ноутбук, лежавший на маленьком столике у выхода в лоджию. Они переглянулись с Гуровым, и Лев спросил:

– А это чей ноутбук?

– Это Георгия Павловича, – тихо ответила вдова. – Володя года три назад ему подарил. Жора очень не любил по телефону разговаривать. Говорил, что должен собеседнику в глаза смотреть, или глаза видеть, как-то так. Вот он потом и стал со своими сослуживцами вечерами по этому, как его...

– По скайпу, – подсказал сын.

– Вот-вот! Сидят и болтают на лоджии. Я сама видела.

– Можно его включить? – спросил Гуров, делая вид, что встает.

Владимир нехотя протянул руку, взял ноутбук и положил перед сыщиком. Лев передвинул его Крячко, а сам снова принялся беседовать с вдовой. Станислав минут десять щелкал клавишами, потом оторвался от ноутбука и чуть тронул напарника за плечо:

– Может, дадим Ольге Сергеевне передышку? Совсем мы ее замучили своими расспросами.

– Я бы пошла прилегла, – сказала женщина. – Только вот неудобно вас отпускать без чая. А то, может, водочки?

– Вы не беспокойтесь, Ольга Сергеевна, мы тут с Владимиром разберемся, – пообещал Гуров, поднимаясь. – Правда, Владимир?

Сын хотел увести мать, но женщина отказалась, попросив его остаться с гостями. Чувствовалось, что она воспринимала этих двоих как коллег своего мужа, хотя они вместе и не работали. Родство по профессии. Владимир с недовольным видом снова уселся на свой стул.

– Ну и что ты там нашел? – обернулся Лев к Крячко.

– Смотри. И вы, Владимир, смотрите. Это получено по электронной почте вчера утром. Гуров и Шамин уставились на экран.

*«Грач, ты забыл уже о своем предательстве? А я выжил. И каково должно быть наказание за то, что ты предал товарища по оружию? Или продал? Я думаю, что тебе лучше подохнуть!
Хорь».*

Глава 2

– Вы разрешите? – Гуров вежливо задержался в дверях. – Я по поводу послужного списка полковника Шамина. Моя фамилия Гуров.

– Ну как же, проходите, конечно! – Грузный подполковник вылез из-за стола и пошел навстречу с вытянутыми перед собой руками. – Лев Иванович! Кто же вас в министерстве не знает. Помнится, на прошлой коллегии вас и... Э-э...

– Крячко, – подсказал Гуров.

– Да-да! Крячко. А мы с вами сидели через одно кресло. Я еще, помните...

– Конечно, – улыбнулся Лев. – Вас тогда неожиданно вызвали из зала, и вы наступили на ногу генералу Орлову.

– Э-э... да? Я полагал, что... Ну, впрочем, ладно! Вы проходите, Лев Иванович, вот сюда, к окошечку. Мне когда ваше письмо, в смысле, из вашего Главка, отписали, я так и подумал, что розыском займется обязательно полковник Гуров. Шамин ведь пенсионер, он теперь не в кадрах.

Гуров уселся в предложенное кресло, пододвинул к себе поближе небольшой столик, полагая, что папок может быть много. Он бы предпочел забрать их все с собой, усестись в своем кабинете на любимый диван, из которого по утрам видно солнце, задрать ноги на стул и спокойно погрузиться в изучение жизни полковника Шамина. Но... видимо, материалы забрать с собой никто не позволит. Жаль, Орлов поторопился отправлять запрос. Надо было настоять на изучении их в своих стенах. Хотя от него тоже не все зависит. В каждом департаменте свои правила и свои тараканы в головах начальства.

– Ну, что вам рассказать о Шамине? – с самым благодушным выражением лица уселся в кресло напротив подполковник. – Высшее военное командное училище МВД, хорошие показатели в учебе, спортсмен. Направление получил на должность командира взвода линейной части в Волгограде. Два года службы по охране общественного порядка, потом рапорт с просьбой о переводе в подразделение спецназа.

Гуров слушал перечисление чуть ли не по годам. Наименование частей с их номерами, должности, выполняемые обязанности, отличия, награды. Все это хорошо, но, к сожалению, ничего не дает и ничего не объясняет. И как этому подполковнику, насидевшему в кадрах приличный зад, объяснить, что оперативнику нужно совсем другое. Иного рода информация. А это все... Это как таблица, как шахматная доска, на которой по бокам буквы и цифры. Фактически Гурову сейчас эти буквы и цифры и зачитывали. А ему нужен перечень фигур на доске, причем из записей самих шахматистов. Когда, в какой позиции, кто где стоял, как пошел и какой от этого был результат.

– Потом почти десять лет на Северном Кавказе, – продолжал самозабвенно бубнить подполковник. – Точнее, сначала в Краснодарском крае, а потом уже в Минеральных Водах. Более сорока спецопераций различного вида сложности, пять боевых орденов. Два легких ранения. Вот, собственно, и все. – Я вам подготовил, конечно, выписку, а то вы ведь не все запомнили.

– Выписку, – грустно повторил Гуров. – Понятно. А в ней что?

– В выписке? – Подполковник искренне удивился вопросу, полагая, что такие очевидные вещи должны понимать даже оперативные работники. – Краткий послужной список, естественно. Годы службы, части, места дислокаций, даты присвоения очередных званий, награждения государственными наградами и знаками отличия.

– Н-да... Спасибо вам. – Гуров побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Только, знаете, мне ведь от вас требуется информация совсем иного рода.

– Да, конечно, Лев Иванович. Диктуйте, что еще вам уточнить. Я записываю.

– Давайте я сам напишу, – предложил Гуров.

– Как вам будет угодно, прошу, вот ручка, бумага.

Гуров наклонился к столику, положил перед собой лист и стал быстро писать убористым почерком. По мере того как лист заполнялся ровными пронумерованными строчками, лицо кадровика бледнело и вытягивалось. После восемнадцатого пункта он предложил:

– А знаете, Лев Иванович, может быть, нам поступить немного по-другому? Я, честно говоря... не совсем понял, что от меня требуется. А раз вы... Я могу вам выделить рабочее место в нашем архиве, поручу вас вниманию наших девушек, и вы получите там любую информацию о службе Шамина, о частях, проводимых операциях, потерях личного состава... Я, конечно, не понимаю в вашей работе многого, но потери-то вам зачем? Хотя, конечно, не мне решать.

21 марта 2003 года, Шалинский район Чечни

Майор Шамин выскочил из третьего по счету «Урала» и побежал в голову колонны к командиру. Подполковник Коростелев сидел на подножке машины, развернув на коленях карту. Они были в пути уже сутки, оставляя на блокпостах у границы с Грузией усиления. Фактически весь батальон внутренних войск был разбросан по участку трех пограничных застав. Сведения, полученные разведкой, сводились к одному: возможны попытки скрытого проникновения групп боевиков с территории сопредельной Грузии с целью дестабилизации обстановки в Чечне в преддверии референдума и его срыва.

– Шамин, слушай сюда. – Подполковник потер красные от бессонницы глаза и потыкал карандашом в карту. – Людей не хватает, мы тут одни, кого можно использовать, а я должен помочь перекрыть границу. Тут для тебя работенка нарисовалась. Раз ты спецназ, тебе и карты в руки. Топографические.

– Новые сведения поступили? – осторожно спросил Шамин.

– Да. Вот здесь, – карандаш обвел овалом часть труднодоступного участка горного района, – по данным разведки, скапливается группа. Участники просачивались горными тропами со всех сопредельных сторон. Боевики из числа чеченских незаконных вооруженных формирований, есть и арабские наемники. Но самое главное, среди них и Магомед Евлоев. Предполагается, что он прислан чуть ли не самим Басаевым с секретной миссией. В чем она заключается, неизвестно. Возможно, подготовка террористического акта, но, скорее всего, для руководства бандподпольем, организации саботажа, подрывной деятельности, покушения на лидеров Чеченской Республики. Понял ситуацию?

– Так точно. Будет приказ на захват?

– Не будет, а уже есть. Приказ пришел из штаба бригады. С формулировкой «принять все меры» и «не в ущерб основной задаче». Понял мое положение? Я и тебе должен создать условия, и из батальона не могу ни одного человека дать.

– Ставьте задачу, товарищ подполковник. Я выполню, – постарался произнести спокойным голосом Шамин.

– Куда мы с тобой денемся, – проворчал Коростелев. – Расшибись, а выполни. Слушай приказ. Выйти до наступления темноты вот в этот район. – Карандаш снова обвел овалом участок карты.

Шамин не удержался и присвистнул.

– Не свисти, – поморщился подполковник, – денег не будет. Я дам тебе два «уазика». Без водителей, понимаешь?

– Так точно. Один поведу сам, второй – прапорщик Логовой. Он опытный водитель.

– Дальше рассредоточишься. У штаба нет представления, куда бандгруппа двинется точно. Либо... короче, у них два возможных направления движения. Решешь сам на месте. Далеко от этого места ты на машинах не проедешь, горные тропы проходимы только для людей, даже вьючные лошади там не пройдут.

– Все решится в течение суток, максимум двух, – задумчиво глядя на карту, сказал Шамин. – Если мы о них узнали, то, как следует из практики, они тоже теперь знают про нас. Они будут спешить, а может, уйдут назад. Но на это надеяться не стоит. Они или разделятся, или пойдут одной группой. Наверное, все-таки пойдут одной группой и попытаются прорываться с боем, если наткнутся на кордон. Сколько человек в бандгруппе?

– По сведениям разведки, не менее двадцати человек, при трех ручных пулеметах, нескольких «Шмелях» и двух 60-миллиметровых минометов бесшумной стрельбы. Понял ситуацию? Задача – ликвидировать Магомеда Евлоева, а группу принудить к уходу в сторону границы. Ни в коем случае не допустить прорыва группы в глубь территории Чечни. Чем тебе помочь?

Шамин посмотрел в сторону гор, пожевал губами и начал перечислять:

– Бронебойные боеприпасы и повышенной пробиваемости – все, какие есть. По шесть дополнительных магазинов на каждого моего бойца, три комплекта патронов. «Подствольники», сухой паек на двое суток, по две дополнительные фляжки на каждого бойца. Восемь комплектов приборов ночного видения.

– Сказал бы я тебе, что ты охренел, майор, но не скажу. Ты меня ночью слепым оставляешь. Но тебе нужнее. Всех с собой берешь?

– Девятерых. Пастухов ногу подвернул, по горам он не ходок, а нам к утру надо пройти...

– Значит, у тебя остается один снайпер? Рубич?

– Логовой заменит Пастухова. В крайнем случае, Рубича придется выводить на самую реальную позицию.

Два армейских «уазика», на которых жидкой глинистой грязью старательно замазали все опознавательные знаки, подтверждающие их принадлежность к подразделениям внутренних войск, развернулись на дороге и ушли на большой скорости назад. Шамин даже настоял на том, чтобы свинтить с машин и номерные знаки. Теперь грязные неопознанные машины пронеслись по дороге мимо населенных пунктов, а внутри, тесно прижавшись друг к другу, сидели девять спецназовцев, обложенных дополнительным имуществом. Во второй машине на заднем сиденье ехал сержант Рубич. Прижав к груди зачехленную армейскую «СВД» со сложенным прикладом, он старательно упирался ногами в пол «уазика», чтоб смягчать тряску.

Шесть часов непрерывной гонки закончились в зарослях терна и барбариса. Серые сумерки напоззли сразу. Стерлись четкие контуры предметов, исказилось расстояние и перспектива. Рубич привычно переложил оружие на сгиб локтя левой руки и ждал, когда бойцы группы замаскируют машины. Командир посматривал на часы и что-то в полголоса говорил прапорщику Логовому.

Хороший стрелок, но слишком грузный для снайперской работы, подумал Рубич о прапорщике. Ему борцом выступать, штангу толкать, а не среди камней ужом прятаться и переползать. Весь он какой-то бочкообразный.

– Построились! – коротко приказал Шамин.

Солдаты выстроились в две шеренги, Логовой замер на правом фланге. Все было проделано четко и быстро, но без торопливости новобранцев. Командир коротко повторил задачу, разделив и без того маленькую группу спецназовцев на две части. Обычная процедура, повторявшаяся сотни раз во время учебных выходов и во время реальных операций здесь, на Северном Кавказе. После постановки задачи последовал приказ разойтись и проверить снаряжение. Шамин и Логовой уселись на корточки и под куском прорезиненной ткани определились с маршрутами. Прапорщик с тремя бойцами встречал боевиков в нижней точке, если боевики разделятся и пойдут разными дорогами. Сам Шамин с четырьмя бойцами встречал в основной точке на тропе. Он дважды повторил вводную – что бы ни случилось, как бы ни сложилась ситуация, ни в коем случае не кидаться на выручку второй группе. Так можно проворонить

основные силы боевиков, пропустить Евлоева и не выполнить приказа. Каждый рассчитывает сам на себя.

– И последнее. – Шамин сложил планшет и защелкнул кнопку. – Самое позднее, к тринадцати ноль-ноль сюда, вот в эту точку, выйдет рота десантников. Они перекроют выход из гор. Поэтому, если возникнет огневой контакт и потребность отходить, делать это можно не раньше двенадцати ноль-ноль. Не раньше, – подчеркнул он.

– Да, только боезапаса у нас на пару часов хорошего боя. Может, на три, – кивнул прапорщик. – Если разведка не врет и их два десятка, если они разделятся, то продержимся.

– Не о том думаешь, прапорщик! Надо во что бы то ни стало не дать уйти Евлоеву. Главное – выполнить приказ.

– Нормально, командир, сделаем, – поднимая зачехленную снайперскую винтовку, ответил прапорщик. – Пора выдвигаться. Пока сумерки, нам бы тропу найти.

За ночь группа Шамина поднялась на высоту около двухсот метров. Дыша как запаленные лошади, спецназовцы повалились между деревьями на жиденькую траву. Многие потянулись за фляжками, чтобы сполоснуть обезвоженную слизистую оболочку рта. Майор приказал отдыхать два часа. С учетом того, что пришлось выставлять два дозора и сменять друг друга через час, то каждому удалось поспать всего около часа.

Как только контуры деревьев и больших валунов стали видны, командир поднял группу. Самыми трудными были первые шаги, первые несколько минут изнурительного пути вверх по склону. Потом снова все втянулись, боль в ногах и плечах стала привычной. В девять утра командир остановил группу.

Перед спецназовцами раскинулась небольшая седловина с пологими склонами. Здесь тропа уходила на относительно ровное пространство, а через двести метров снова выходила на склон и начинала петлять между деревьями, устремляясь вниз. Отличное место для засады. Только вот боевики тоже не новички, многие имеют и хорошую боевую подготовку, и опыт действия в горах. Они тоже отдают себе отчет, что именно здесь их могут встретить «федералы».

– Товарищ майор, – подошел к командиру Рубич, – видите наверху карниз? Скала выходит языком. Оттуда тропа будет просматриваться метров на сто. Если они заподозрят неладное, это будет видно. Могут остановиться, а могут попытаться обойти опасный участок сверху. Если с альпинистским снаряжением, то пройдут. А, может, и без него пройдут.

Резон в словах снайпера был. Строение скальных выходов сверху было таково, что можно предположить возможность прохода по самому краю. Снайперу, тем более с таким опытом, как у Рубича, верить на слово стоит.

– Хорошо, лезь на карниз и возьми с собой...

– Там вдвоем не улечься, – возразил Рубич. – Да и стоит ли в кучу сбиваться, если у них два миномета и «Шмели»? Одним ударом двоих накрывают, а маневрировать и менять позицию там негде.

Рубич лежал на камнях уже минут сорок. Он, камешек за камешком, выбрал из под себя все лишнее, что мешало, отвлекало, создавало неудобства. Подтянутый ремень охватывал руку под локоть, свернутый вещмешок служил мягкой прокладкой на камне. Обзор был и в самом деле отличный: Рубич видел тропу даже дальше, чем предполагал.

Сержант-контрактник второго срока, Рубич был в бригаде на особом положении. Лучший снайпер, благодаря которому командование выдерживало самые строгие проверки и получало высокие показатели на учениях. И во время спецопераций, участником которых был

Алексей Рубич, заменить его было сложно. Он чувствовал противника, умел прятаться на местности, умел выбирать позицию интуитивно.

Сегодняшний день вызывал только раздражение. Батальон, которому придали группу спецназа как разведчиков, выдвинулся настолько поспешно, что спецназовцы оказались в машинах без снаряжения, с минимумом боеприпасов и... без полного комплекта коммуникаторов, позволявших командиру руководить боем в сложных условиях. Средств связи было только два – одно у Рубича, второе у майора Шамина.

– Грач, это Хорь. Я в гнезде.

– Понял тебя, Хорь. Как куры?

– Пока не вижу. Наблюдаю.

Грач – позывной Шамина, Хорь – Рубича. У каждого бойца в спецназе есть свой позывной. Короткое, чаще всего односложное слово, прекрасно характеризует бойца или говорит о его особенностях. Так проще привыкнуть, запомнить всех своих товарищей по позывным, которые после нескольких лет службы становятся даже псевдонимами.

Грачом Шамина, говорят, назвал сам заместитель командующего внутренними войсками. Была какая-то там у них история, то ли после выпуска Шамина из училища, то ли после его перевода из линейной части в подразделение спецназа. А вот Рубича Хорем называли еще в школьном возрасте, когда они с друзьями устраивали вылазки на природу с ночевками, с палатками, рыбалкой. А заодно и походами на птицеферму за курицей. Никто, кроме Лехи Рубича, не мог камнем с первого раза подбить птицу и, молнией схватив, скрыться. Как хорь в курятнике!

– Грач, это Хорь, – спокойно позвал Рубич, прикинув к оптическому прицелу винтовки. – Вижу! Группа численностью в... двенадцать человек идет по тропе. Вижу шестнадцать, восемнадцать... двадцать два человека.

– Хорь, это Грач, – сквозь какие-то провалы выплыл голос Шамина. – Не стрелять. Наблюдать. Огонь только по команде.

– Понял, – ответил Рубич, ведя прицелом по лицам бородачей на тропе.

Ответил, как в пустой космос. Он сразу почувствовал, что что-то не так. Эфир как будто вымер, стало так пусто, будто ни одного человека не осталось на земле. Наверное, интуиция сработала. Но приказ есть приказ, и дисциплина сделала свое дело. Рубич молчал и ждал. Смотрел, как боевики приближаются к седловине и ждал.

Вот группа остановилась. Один, в темных очках, без автомата, только с пистолетом в кобуре на ремне, вышел вперед и начал совещаться с широкоплечим боевиком. Рубич на всякий случай навел прицел на этого в темных очках. По всем признакам он тут был главным.

– Грач, я Хорь. Главный на мушке. Дополнительные приметы есть? Запросите базу.

Ответом ему было гробовое, какое-то гулкое молчание. Казалось, что лежишь не на карнизе над головами людей и кронами деревьев, а в огромном пустом зале. Должно быть еще и эхо, но его нет. Рубич вызвал еще раз, постучал по микрофону пальцем, сняв его для этого со спускового крючка. Командир не отвечал. Стрелять? Приказ был не стрелять без команды. А приказы принято выполнять, потому что армия на этом и держится – на выполнении приказа любой ценой. Если командир не будет уверен, что его приказ выполнят, то... то он не командир, и это не армия.

А группа боевиков вдруг рассредоточилась. Человек восемь заняли позиции за камнями и стволами деревьев. Человек в темных очках ушел назад по тропе, и на какое-то время все замерло. И только спустя минут двадцать Рубич услышал скатившийся камушек справа от себя. Часть боевиков обходила спецназовцев сверху. Еще полчаса абсолютного бездействия, а потом... Потом боевики, короткими перебежками по двое, очень грамотно стали выдвигаться вдоль седловины.

Рубич озверело шептал в микрофон, стучал по нему пальцами, вызывая и вызывая Шамина. Он ждал, что вот-вот разразится бешеная перестрелка, начнут грохотать взрывы. Но ничего не происходило. Более того, вторая часть группы боевиков, в том числе и их главный, появились на тропе и пошли к позициям спецназовцев открыто. Ушли? Почему?

Со своего карниза Рубичу не была видна позиция его товарищей на тропе. Не видел он теперь и боевиков. Но то, что бой не начался, говорило только об одном – майор Шамин увел группу. Увел, не предупредив снайпера, оставшегося на дурацком карнизе над головами бандитов. Одного, с приказом не стрелять без команды. И даже не предупредив об отходе. Что-то с коммуникатором? Но есть ведь другие способы...

– Лев Иванович? – Голос подполковника Волкова ворвался с таким вдохновением, как будто он всю ночь только и мечтал об этом звонке.

Позитивный человек Волков, умел располагать к себе людей, но умел быть и жестким. Когда он только пришел в МУР молодым лейтенантом, все эти качества в нем не проявлялись. Серьезный был парень, немногословный, собранный. Весь в себе.

– Да, Пал Палыч!

– Вы не на планерке, а то у меня информация срочная и бежать надо к начальству? Могу доложить?

– Давай, – разрешил Гуров, оглянувшись на свой диван, с которого поднялся. Теперь появилась возможность снова на нем устроиться и в комфортной позе выслушать доклад.

– Я вчера посылал ребят на дачу Шаминых. Так вот, в выходные у соседей там никого не было.

– Как так? – Гуров аж подскочил на диване и принял вертикальное положение. – В каком смысле?

– Во всех, Лев Иванович. Муж был занят на работе, у них какой-то аврал на строительстве, что-то с технологиями, вот он и не смог. Жена плохо себя чувствовала, тоже не поехала. А дети живут своей городской жизнью и на дачу к родителям выбираются только раз-другой в год на шашлыки.

– Та-ак, ситуация, – проворчал Гуров. – Выводы? Что ты предпринял, Пал Палыч?

– Разослал сотрудников и опросил участников той попойки у Шаминых. Там есть такой Загладин, начальник штаба войсковой части внутренних войск. Он разнимал спорщиков, ну, и еще пару человек, кто видел хоть мельком лицо того, кто ругался с Шаминым с территории соседей. Уломали мы их, приехали. Фоторобот я вам отправил по электронной почте. Помоему, хорошо получилось, узнаваемо, если что.

– Спасибо, Пал Палыч, – задумчиво произнес Гуров. – Интересный поворот в событиях. Так у тебя есть список всех, кто был в гостях у Шамина на даче в тот вечер?

– Да, мы сейчас их опрашиваем. Лапиной рассказали, она готовит постановление. К обеду, наверное, с хозяином дачи поедем на осмотр. Поищем следы этого неизвестного. Хозяева, конечно, в шоке.

– Как тебе эта Лапина? – спросил Гуров. – Оксана Дмитриевна, кажется. Я ее не знаю, новенькая в Следственном управлении.

– Не очень. Лет пять уже работает. А так – нормальная баба, общий язык находим.

Закончив разговор, Гуров подошел к своему столу, уселся за компьютер и полез в электронную почту. Письмо от Волкова было во входящих. И со «скрепкой». Гуров открыл прикрепленный файл и стал смотреть на лицо человека, изображенное как будто эскизно в карандаше. Только основные штрихи, только самое важное. Собственно, в таком стиле в базе «фоторобота» и вложены все элементы человеческих лиц.

– Чего там? – подошел Крячко с ежедневником в руках. – Пошли, пора к шефу на доклад. Ого! Кто это?

– Это, Стас, преступник, – многозначительно заявил Гуров. – Только вот мы еще не знаем его вины и характера преступления, которое он совершил.

– Как так? Вы там совсем обалдели с Волковым? – засмеялся Крячко. – Загадки, шарады!

– Ты лучше скажи мне вот что. Похож он на человека, который десять лет назад был первоклассным снайпером в спецназе внутренних войск? Похож на человека, который пропал десять лет назад без вести, а теперь явился и угрожает смертью полковнику на пенсии, который якобы его предал когда-то? Ну, похож?

– Если ты так ставишь вопрос, – прищурился Станислав, – то я бы сказал, что этот человек десять лет назад был ну, не выпускником старших классов, но все равно парнем лет двадцати. И не нюхавшим пороха. Уж на спецназовца он совсем не похож. Нет у него воли в глазах. Наглость есть, а силы, кремня в нем нет.

– Это точно, – согласился Гуров. – Получается, что этому около тридцати, а Рубичу сейчас было бы около сорока. Рубич был высокий, поджарый, а этот обрюзгший и едва ли среднего роста. Ладно, пошли к шефу. Сейчас только эту физиономию распечатаю.

В приемной Орлова им пришлось ждать почти двадцать минут. Насколько Гуров понял, где-то на Волге в областном центре появился маньяк и пострадала то ли дочь спикера областной Думы, то ли еще какого-то начальника. А папаша оказался с хорошими связями и был очень зол, что местные органы работают, по его мнению, «ни шатко ни валко». И сейчас с Орлова снимали стружку, с него спрашивали, а что он сделал, а как работают подведомственные его департаменту службы на местах и когда этот бардак прекратится. Можно подумать, что простых людей трогать можно, а больших начальников...

Вбегали и буквально выбегали офицеры Главка с папками, какими-то подшивками. Секретарша, красная от напряжения, уже звонила в аэропорт и бронировала билеты в южном направлении. Ясно, кто-то полетит брать все на контроль и с заданием в течение трех суток разобраться, раскрыть, выявить тех, кто так некомпетентен среди местного руководства. Но сначала выяснить фамилии, доложить, а потом московское начальство либо разрешит, либо не разрешит третировать указанных лиц. А то, может быть, придется искать виновных пониже рангом. Стрелочников.

Понятно, что все шишки съяты сейчас на Орлова, а решения принимать будут на уровне заместителя министра. Решения о том, кто виноват. Были случаи, что Орлову удавалось защитить своих коллег на местах, а были, что приходилось стискивать зубы и смотреть, как хороших ребят, отличных работников выпроваживают из органов. Гуров знал, что Орлов часто принимал участие в судьбе несправедливо обвиненных и уволенных. Находил им работу по специальности, организовывал положительные характеристики и рекомендации.

Наконец Гурову и Крячко было велено заходить. Орлов как раз разговаривал по проводному телефону, и кому-то на том конце крепко доставалось. Генерал закончил экзекуцию и швырнул трубку на аппарат. Когда он бросил короткий взгляд на вошедших, Гуров понял, что мысленно шеф еще в теме телефонного разговора, потому что посмотрел он уничтожающе. Ничего, несколько секунд ему достаточно, чтобы переключиться, усмехнулся Лев. Иначе бы Орлов не был Орловым.

– Так. – Генерал подошел к окну, распахнул его настежь.

– Осень, – неопределенно проговорил Крячко в пространство, усевшись за приставной столик. – Природы увяданье. В багрец и золото одетые леса.

– Что? – Орлов повернулся к нему со все еще напряженным лицом, постоял немного и вдруг улыбнулся: – В багрец и золото, говоришь? Поэт! Поэт от сысского дела! Ну ладно, хватит лирики. Докладывайте.

Голос его звучал уже ровно и деловито. Как будто и не было несколько минут назад страшной бури в этом кабинете, как будто жернова страшной чиновничьей машины не ворочались над головой, грозя смять и генерала, и его подчиненных, и его коллег где-то на реке Волге.

– Дело приобретает определенный оттенок, – начал говорить Гуров. – И этот оттенок нам очень не нравится.

– В смысле? – коротко осведомился Орлов, возвращаясь к столу и тяжело опускаясь в свое рабочее кресло.

– Станислав вон порылся, с ведома родственников, конечно, в компьютере погибшего и обнаружил любопытное письмо. Вот текст.

Гуров вытащил лист бумаги, на котором крупно, с соблюдением пунктуации и расположения строк, было воспроизведено письмо, поступившее на электронную почту Шамина. Орлов взял лист, небрежным привычным жестом набросил на нос очки и стал читать. Потом удивленно и как-то разочарованно посмотрел поверх очков на Гурова:

– Так это же прямая угроза?!

– Ну! – согласился Лев.

– Фактически Шамина предупредили, что убьют, и убили.

– Ну да.

– Он еще и подписался, гаденыш!

– Вот то-то и оно, – развел руками Гуров. – Кто-то прямо на всю улицу кричит, что убьет Шамина. И даже подписывается. Я бы еще подумал, что это липа, что это «разбрасывание камней по кустам», подстава, но... – Лев неопределенно покрутил пальцами в воздухе, пытаясь объяснить, что за «но» его одолевает.

– Что «но»? – хмуро спросил Орлов.

– Если бы он прислал письмо за неделю, за пару дней, в конце концов, это было бы логично. Пришел мститель, пришел и отомстил. Мстителю нужна аудитория, он же героя изображает. Ему всегда важен элемент театрального эффекта. А этого письма никто не видел. Ты не поверишь, но его не видел даже Шамин.

– Как так не видел? Почему ты так решил?

– Шамин ночевал на даче. Он приехал туда поздно и не из дома. Ноутбук с собой не брал. Утром с дачи поехал сразу на квартиру к Гроховскому. Там его и убили. А письмо поступило на электронную почту в двадцать сорок пять предыдущего дня. Отсюда я делаю вывод, что написавшему это письмо было неважно, прочтает ли кто-нибудь, даже Шамин, его послание. Ему важна была эмоциональная составляющая. Он написал, а потом убил. Вот что мне не нравится. Мне кажется, что письмо настоящее, и писал его человек настоящий, и он же убил Шамина.

– И его фамилия Рубич! – продолжил Орлов и скептически покачал головой. – Эмоции, Лев, эмоции. Преступник мог рассуждать точно так же. Преступником мог оказаться вообще другой человек. Убийство с этим письмом может вообще быть не связано. А с какого адреса, с какого логина было отправлено письмо?

– Забудь, – махнул рукой Крячко. – Ребята из МУРа первым делом проверили это. Электронная почта открыта на Иванова Ивана Ивановича. А телефон, с которым она регистрировалась, был украден из кармана пьяного слесаря Левкина. Все близкие подтверждают, что Левкин с большим трудом соображает, на какие там клавиши в компьютере надо давить. Он даже не слабый пользователь, он никакой пользователь.

– И не забывай, что Рубич не погиб, а пропал без вести, – напомнил Гуров. – Его тела никто не видел.

– А они в самом деле вместе служили на Кавказе? – после длительной паузы спросил Орлов. – И в этой операции участвовали вместе? Что там вообще за история, вы выяснили у смежников?

– Да. – Гуров откинулся на спинку кресла и засунул руки в карманы брюк. – Служили. Хорь и Грач, это в самом деле их позывные, которыми они пользовались во время проведения боевых операций для общения по связи. Шамин был тогда майором в подразделении спецназа

внутренних войск. Рубич служил в той же бригаде по контракту. Опытный и один из самых титулованных снайперов в подразделении.

– А что, операция в самом деле была сложная?

– Операция, наверное, была сложная, только она так и не была проведена. Группа отошла с занятой позиции. Снайпер, занимавший позицию в отдалении, не был предупрежден своевременно. В рапорте Шамина указано, что вышла из строя связь. Но он понял это уже в тот момент, когда группа ушла.

– Не понимаю! – Орлов покрутил большой головой. – Мне непонятно, как можно отвести группу, даже если и были основания на это, и оставить одного бойца, даже не удосужившись получить от него сообщение, что он приказ понял?

– Да, согласен, – кивнул Гуров. – Мы опросим всех участников той операции, кого сможем найти. Очень может быть, что ключ к разгадке в самом деле лежит там. А может, кто-то просто передергивает факты, чтобы замаскировать под те события нечто другое.

– Хорошо, – остановил его генерал. – Давай подробнее, что там была за операция.

– Судя по документам, разведка получила информацию, что в Чечню тайно с группой боевиков-чеченцев и наемников-арабов направляется Магомед Евлоев. Этот Евлоев – один из ближайших помощников Басаева в те годы, он был тесно связан с арабскими наемниками, в том числе с одним из их лидеров – Абу аль Валидом. Было указано даже место, где они могли появиться. Ближайшая группа спецназа, имевшая в своем составе снайпера, была как раз из бригады внутренних войск. Более того, ее часть во главе с майором Шаминам как раз и вышла с батальоном прикрывать границу. По сведениям все той же разведки, возможны были прорывы боевиков со стороны Грузии для попыток срыва референдума в Чечне. Референдум должен был пройти 23 марта 2003 года, события развернулись в предыдущий день – 22 марта.

– Как-то все это подозрительно, – начал было Орлов, но потом махнул рукой: – Ладно, продолжай.

– Евлоева необходимо было взять, а если такой возможности не будет, то уничтожить. С таким приказом и вышла небольшая группа спецназа во главе с Шаминам, в составе которой был и Рубич. Почему, кто отменил приказ, мы выясним. А что касается Евлоева, в июне 2004 года в селе Далаково в Ингушетии он все-таки был убит при попытке задержания. Как я понял, работал он активно. По указанию Басаева, обосновался в Ингушетии, стал «эмиром» и, естественно, координировал преступную деятельность боевиков в этой республике.

– Не исключено, – вставил Крячко, – что 22 марта 2003 года его чуть не ликвидировали, но пришел приказ остановить операцию из-за того, что 23 марта в Чечне должен быть проведен общенародный референдум. Может, не хотели омрачать событие? Ведь только-только начало все успокаиваться! Хотя вполне допускаю, что под этим предлогом кто-то дал Евлоеву тогда уйти.

– И все-таки, – постучал пальцами по крышке стола Орлов, – зачем Рубичу, если Шамина убил он, светиться с этим письмом? Убил бы, и никто ничего не узнал.

– В этом что-то есть, – убежденно ответил Гуров. – Например, Рубич – не дурак и понимает, что при расследовании убийства старшего офицера, да и вообще любого человека, начнут копаться в его прошлом, выискивая тех, у кого есть мотив. В московской жизни Шамина ничего особенного не было, врагов во время службы в штабе он не имел, и Рубич мог вполне логично предположить, что, роясь в прошлом Шамина, полиция неизбежно выйдет на его историю. Мы допросим сослуживцев, они расскажут. Любой спецназовец возмутится предательством командира, если таковое произошло на его глазах. Это запомнится. И это до нас дойдет.

– Ну, может, ты и прав, – согласился Орлов. – Рубич предполагает, что его фамилия сразу попадет в список подозреваемых, и мы вполне сможем по своим каналам узнать, что он выжил и появился в Москве. Ведь где-то ему надо жить, где-то он обязательно появится, с кем-то

переговорит, будет наводить какие-то справки. И мы станем его усиленно искать как основного подозреваемого.

– Вот! – Гуров торжествующе выставил указательный палец. – Теперь ты понял! А раз он так себя ведет, значит, приехал в Москву не за тем, чтобы убить Шамина. Есть какая-то более важная причина. Я уверен! Он отводит наше внимание, Петр.

Глава 3

Полковника Еременко Гуров нашел в пансионате «Сосновый бор» на берегу Оки. Бодро размахивая ракеткой, тот гонял по корту своего соперника, какого-то грузного, но удивительно подвижного мужчину. Удары по мячику сыпались с такой частотой, что Гуров невольно залюбовался игрой. Мастер! Молодец, полковник, со спортом дружит.

Когда соперники пожали друг другу руки и пошли к своим лавкам за полотенцами, Лев вышел на корт и подошел к Еременко.

– Здравия желаю, Владислав Николаевич. Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска.

– О как! – Еременко сделал испуганное лицо и принялся озираться по сторонам. Потом рассмеялся и протянул руку: – Извините, просто ситуация напомнила нечто из пресловутого 37-го года. Подходят в гражданском, представляются и – в черный «воронок». И больше полковника никто не увидит. Чем могу быть полезен?

– Мне хотелось с вами поговорить, Владислав Николаевич, о делах, которые имели место аж десять лет назад.

– Да-а? – удивился Еременко, вытирая шею и лицо полотенцем. – И долгий разговор? Если долгий, то прошу ко мне в номер, чайку сообразим. А то можно и в буфет, он у нас постоянно открыт.

– Может, здесь? – Гуров кивнул на пустые трехъярусные трибуны. – Тихо, на солнышке. И никто не помешает.

– Как скажете. Вы гость, вольны выбирать. Простите, ваше имя-отчество?

– Лев Иванович.

Они прошли вдоль корта, свернули к трибунам и уселись на нижних пластиковых желтых креслах. Гуров, находясь рядом с полковником, физически ощущал тяжелую ауру самоуверенности, какого-то превосходства. Не просто превосходства, а превосходства ироничного, насмешливого, снисходительного.

– Так что вам от меня нужно? – спросил Еременко.

– Информация десятилетней давности, – голосом автомата стал вещать Гуров, стараясь показать, что полковник сейчас беседует не с сыщиком, а с государственной машиной, озабоченной одной неприятной проблемой. А государственная машина всегда все проблемы решает с одинаковой тяжеловесностью. Что проблема уменьшения популяции снегирей в Курской области, что проблема катастрофического увеличения детской преступности.

– Десятилетней? – пробормотал Еременко, стараясь вспомнить, а что такого незаурядного происходило с ним десять лет назад.

– Именно. А если быть точным, то 22 марта 2003 года в Шалинском районе Чечни.

– Ну, вы даете там у себя в уголовном розыске! – засмеялся, впрочем, не очень уверенно, Еременко. – Откуда же я помню, что происходило именно в этот день и именно в том месте?

– Ну, веселиться тут нечему, – бесцветным голосом проговорил Лев, пытаясь сбить с собеседника эмоции. – Тогда пропал без вести солдат. Пропал по вине командиров. Или ни по чьей вине, а лишь в силу сложившихся обстоятельств.

– Ну знаете! – Еременко изобразил высшую степень превосходства на лице, умудрившись глянуть на Гурова сверху вниз, хотя был на полголовы ниже. – Это вам не Москва. Это Чечня! И в 2004 году она была Чечней, и в 91-м. И еще долго будет ею. Это специфика! Там пропадали и будут пропадать военнослужащие, несмотря на железную руку, которую мы сейчас держим. . .

– И вы полагаете, что каждый отдельный случай – это всего лишь статистика и нужно забывать о парнях, которых туда послали и которые там пропали? Может, не обращать внимания на эти случаи, раз это специфика?

– Вы... – Еременко наконец посмотрел на Гурова, – вы не особенно старайтесь ярлыки навешивать. Я ее прошел, эту Чечню. У меня ордена за участие в боевых действиях.

– Перечисляйте, я подожду, – кивнул Гуров. – А потом мы, может, спокойно поговорим. Не хочется думать, что я зря проехал столько, чтобы не тревожить ваш отдых. Была идея вызвать вас в МВД и поговорить там.

– Что за солдат? – хмуро и уже без тени превосходства спросил Еременко.

– 22 марта 2003 года, по данным разведки, через границу в Чечню должен был нелегально перейти некто Магомед Евлоев, находящийся в международном розыске за совершенные на территории Российской Федерации преступления. Учитывая сложную обстановку накануне общенародного референдума в республике, а так же данные о возможных провокациях на Грузино-Чеченской границе, все воинские формирования на территории республики были подняты по тревоге. Бригаде внутренних войск, дислоцировавшейся в то время в Чечне, в которой служили и вы, была поставлена задача помочь пограничникам и перекрыть наиболее уязвимые пути, по которым могут просочиться банды боевиков. Для перехвата в Шалинском районе группы Евлоева нужно было подразделение спецназа. Но успеть буквально за несколько часов перебросить в этот район необходимые силы не представлялось возможным. И было принято решение отправить на перехват группу майора Шамина, приданного батальону внутренних войск. Припоминаете?

– Да... конечно. Не все подробно, но тогда у нас действительно было несколько очень напряженных дней. И накануне референдума, и непосредственно в день его проведения.

– Хорошо. Группа майора Шамина вышла в нужную точку вовремя, о чем командир и доложил в штаб бригады, через который, собственно, и получил приказ о проведении операции. И когда возник визуальный контакт с группой боевиков, его отряд снялся с позиции и скрытно ушел назад. У меня сложилось впечатление, что Шамин получил приказ об отмене операции. Что вы об этом знаете?

– Да, вспомнил. – Лицо Еременко наконец приобрело нормальное выражение, с присущей ситуации озабоченностью. – Был такой приказ, я получил его из Москвы по ЗАС-связи. Вопрос с командованием бригады решили быстро, хотя они и не особенно артачились, группа спецназа им напрямую не подчинялась. А приказ об отмене и отходе передавал Шамину по рации тоже я. Как мне передали, так передал и я. Что-то вроде того: «ни при каких обстоятельствах, не обнаруживая себя, скрытно отойти и вернуться в расположение. Огневой контакт исключается полностью».

– И о пропавшем снайпере помните?

– Да, это было неприятно. Шамин тогда заявлял, что передал приказ отходить. У них, кажется, на момент операции был недостаток средств коммуникации. Слишком поспешно выдвинулись. И на дознании тогда бойцы его группы подтвердили, что майор передавал приказ. Они отошли, а снайпер этот почему-то не отошел. Я помню, что группа отходила спешным порядком, чтобы не обнаружить себя. Слишком близко они оказались от передового дозора боевиков. Я помню, что обвинения с Шамина были сразу сняты. Да, и я не склонен его обвинять. А в чем, собственно дело, почему этим занимается не военная прокуратура, а уголовный розыск? Что за фантазия?

– Почему фантазия? – сделал удивленное лицо Гуров. – Вы полагаете, что никакой связи не может появиться?

– Я полагаю? Да только воспаленное воображение может придумать...

– Хорошо, я скажу, – прервал Лев Еременко. – Как вам версия с возвращением того пропавшего солдата, который решил мстить за перенесенные им муки виновникам? Тем, кто, по его мнению, виноват, кто его предал, как он считает.

– Да ладно, – уже с некоторой тревогой посмотрел на него полковник.

– Георгий Павлович Шамин убит выстрелом в затылок. А за день до этого убийства он получил на электронную почту письмо угрожающего характера, подписанное позывным того солдата, которым тот пользовался в Чечне. Кто, вы говорите, конкретно передал приказ отойти группе, не ввязываясь в огневой бой?

Как люди бледнеют, Гуров видел не раз. И каждый раз это зрелище его удивляло, насколько человеческая кожа способна к мимикрии.

– Я попрошу вас, Владислав Николаевич, – протянул он свою визитную карточку, – если вы вспомните какие-то подробности событий той весны, проведения той операции, нюансов прозвучавших приказов, позвоните, пожалуйста. И еще. Если у вас появится тревога, если вам кто-то каким-то способом начнет угрожать или просто почувствуете, что за вами кто-то пытается скрытно наблюдать, тоже не полагайтесь на свою выучку, а просто позвоните мне. Хорошо?

– По большому счету, Шамин был невиновен, – пробормотал Еременко, крутя в руках визитку Гурова. – Приказы не обсуждают. Сказано, все бросить и отойти, он выполнил.

– А раненого он тоже бы бросил?

– Сложный вопрос, чтобы обсуждать его вот так, под ласковым осенним солнышком, на лавке спортивной площадки в живописном Подмоскowie. А приказ из Москвы мне лично передал генерал Козинцев. Он служил тогда в штабе внутренних войск в Москве и курировал нашу группировку на Северном Кавказе.

Гуров сидел в прохладном кабинете кадровика, ожидая, когда его снова проводят в архив и прикажут девушкам помочь в подборе информации по конкретному вопросу. Подполковник сокрушался, что имели место события, за которыми приходится обращаться к архивам, что в жизни не все и не всегда просто и понятно. Гуров молча барабанил пальцами по подлокотнику и вежливо соглашался. Когда шея у него окончательно устала от кивания, вошла одна из девушек и увела его в святая святых.

Через пятнадцать минут Гуров, с удивлением и сожалением, узнал, что генерал-майор внутренней службы Козинцев скончался шесть лет назад в онкологическом отделении военной клиники в Москве.

– Вы знаете, у нас есть несколько форм учета кадров, – поясняла одна из девушек. – Это как несколько уровней. Человек в действующих кадрах, человек временно выбывший, не проходящий службу. Такое бывает у тех, кто служил по контракту. Они у нас в резерве, но это форма внутреннего учета. Потом – отслужившие срочную службу, уволившиеся по желанию в установленные законом сроки. В основном офицеры. А есть те, кто выбыл по ранению или не выслужил максимальные по званиям сроки по состоянию здоровья. Это прежде всего высшие офицеры, попадающие под категорию особого обслуживания в медико-санитарных частях и санаториях. Поэтому у нас и есть данные на генерала.

– Спасибо, – поблагодарил Гуров, – очень исчерпывающий ответ. И вообще вы, девушки, мне здорово помогаете.

– А что вы ищете? Какое-то загадочное дело, да?

– Рутинная, девушки, скучная и тягостная рутинная. Проверка фактов, событий, происшествий. Ничего громкого и загадочного.

– У-у, – разочарованно протянули два или три голоса.

Крячко, как и обещал, ждал Гурова у выхода. Развалившись в мягком кресле у стены, он небрежно поигрывал связкой ключей и насвистывал какую-то мелодию. Как всегда, Станислав Васильевич пребывал в состоянии полного позитива и согласия с самим собой. Никакие профессиональные сложности не могли его выбить из этого состояния. И, как правило, не выбивали.

– Есть новости? – спросил Гуров, подходя к напарнику.

– Ага. – Крячко подбросил в последний раз в воздух связку, ловко поймал и добавил обыденным тоном: – Разыскал двоих солдатиков, которые были тогда в группе Шамина. Оба в Москве. Есть еще двое, но они были вместе с этим прапорщиком, с Логовым, и не в курсе событий, как и сам прапорщик. Я с ним виделся утром, когда он от следователя, от нашей Оксаны Дмитриевны, выходил. А у тебя как дела? Есть концы с тем пресловутым приказом?

– Стена, Стас. Приказ передал из штаба по засекречивающей аппаратуре связи генерал Козинцев. Но Козинцев умер шесть лет назад от рака в ведомственной клинике. Прежде чем искать его фамилию, я наводил справки у руководства внутренних войск. Никаких документов, касающихся той операции, даже секретных или совершенно секретных, у них нет. Они говорят, что это нормально, поскольку пришлось на ходу принимать решение о проведении или отказе от нее. Она не планировалась заранее, вот и нет материалов. А восстановить теперь, кто как узнал и кто принял решение... Увы!

– А руководство ГРУ?

– Они имеют к этому косвенное отношение. Исключительно с точки зрения военного ведомства, как возможные контакты с зарубежными военными разведками, как связь с фактами хищения вооружения, опять же при проведении войсковых операций. Короче, они ушли от ответа о причастности к той информации о возможном появлении Евлоева в том районе. ФСБ ответила более однозначно. Они к планированию и проведению операции по задержанию или уничтожению Магомедов Евлоева в марте 2003 года не имеют никакого отношения.

– Так, и что это значит?

– А черт их знает, – пожал плечами Лев. – По крайней мере, следует это понимать так – ищите сами. Что найдете, то и ваше.

Они вышли на улицу и сели в машину Крячко. Станислав посмотрел на своего шефа вопросительно и в то же время как-то решительно.

– Ну, – спросил он Гурова, – в Видное? К вдове генерала?

– Нет, давай сначала к нам в контору. Надо подготовиться, проконсультироваться с ее знакомыми, бывшими сослуживцами. Нельзя же вот так соваться к вдове с расспросами. Тем более что у нас кое-какие претензии могут возникнуть к действиям этого генерала в 2003 году.

– Да перестань! – рассмеялся Крячко. – Ты просто представь себе женщину в возрасте практически пенсионном или около того. Одна в доме, дети давно выросли и живут по всей стране своей жизнью, мужа похоронила. Что ей остается в жизни, кроме воспоминаний, сожалений и раскаяния? А тут мы – два бравых полковника, да еще и из того же практически ведомства. Да мы с тобой почти сослуживцы ее покойного мужа! Поехали!

– Да? – Гуров посмотрел на довольное лицо напарника, на его глаза, в которых прятались хитринки, и решил довериться житейской мудрости старого друга. – Ладно, поехали заниматься экспромтом.

Коттедж в поселке Видное они нашли довольно быстро. Вдова жила в большом, с двумя лоджиями, строении с пристроенным гаражом, рассчитанным машины на две. Над забором виднелась еще одна крыша под яркой кровлей. Судя по резной облицовке, это могла быть банька.

Остановив машину у распашного типа ворот, Крячко вылез и пошел искать кнопку звонка. Гуров рассматривал видимую часть коттеджа и забор, ограждающий территорию. И кирпич, и стиль архитектуры, и бетонные плиты забора – все говорило о прошлом этого здания. Строиться наверняка начинало лет сорок назад. Чем-то неуловимо отдавало семидесятыми или восьмидесятыми годами прошлого века. Закатом социализма и принадлежностью к генералитету.

Простовато, но для обычных граждан недоступно. И не уровень правительственных дач. Поскромнее, но все же с размахом. И никакой кустарщины. Забор из настоящих железобетон-

ных плит, предназначенных именно для ограждения. И столбы бетонные, специально для плит предназначенные. И ворота старые, солидные, распаивающиеся на две стороны, а не отъезжающие. И внутри, наверное, асфальт везде, а не тротуарная плитка. Наверное, отец Козинцева был тоже генералом. Или служил в иных ведомствах, где не предусмотрена форма, но в ранге, соответствующем генеральскому.

Крячко уже с кем-то беседовал в открывшуюся дверь в заборе возле ворот. Железная, современная дверь. Судя по тому, как Крячко замахал Гурову рукой, переговоры завершились согласием пустить их в дом, но были тяжелыми. Надо спешить, пока этот страж не передумал. А может, сын генерала?

– Пошли, – торопливо заговорил Крячко, пропуская Гурова в дверь. – Зоя Васильевна дома, а мы с тобой, видимо, внушаем доверие. Этот человек, дворник или сторож, пошел доложить о нашем визите.

– Интересно, здесь удостоверения МВД влияния не имеют?

– Когда дом генеральский, то все ниже по званию, даже если они и из полиции, воспринимаются иначе, чем другими обывателями.

– А ты знаток жизненных устоев?

– Дружи со мной, Лев Иванович, – засмеялся Крячко, – и ты приобщишься к житейской мудрости.

Сильно хромающий человек неприветливой наружности поднялся по ступеням и скрылся в доме. Гуров успел разглядеть большой участок, на котором был только ухоженный газон, а также древовидное разнообразие: березки, ивы, две ели да неизвестный кустарник, деливший территорию участка на две зоны. Одна, относящаяся к входу и въезду, типа гостиной. А вторая – с беседкой и с чем-то журчащим, может быть, «горка» с небольшим фонтаном. Дорожка, ведущая к дому, оказалась отнюдь не асфальтированной, а из вполне современной тротуарной плитки. За домом следили, его обновляли.

Пока сыщики неторопливо преодолевали расстояние от ворот до входной двери, мужчина успел вернуться и ждал их на ступенях, держа дверь открытой.

– Проходите, – хриплым голосом предложил он. – Зоя Васильевна ждет вас. В гостиной.

Судя по указующему жесту руки, гостиная располагалась прямо за дверью и уж точно на первом этаже. Гуров шагнул через порог. Просторное помещение с камином у дальней стены и в самом деле походило на гостиную в прямом смысле этого слова. Добавить бы квадратных метров сто, и оно было бы похоже на бальную залу старинных поместий.

На диване напротив камина сидела женщина с седеющими, но хорошо уложенными волосами. На плечах у нее был накинут большой платок.

– Здравствуйте, Зоя Васильевна, – громко приветствовал хозяйку дома Гуров, обходя диван.

Женщина повернула голову, посмотрела на гостей вполне приветливо и протянула руку, указывая на два кресла, стоявшие поодаль.

– Присаживайтесь, прошу вас, – раздался ее деликатный грудной голос. – Мне всегда приятно, когда приходят сослуживцы моего мужа.

Да, она сильно сдала, подумал Гуров. Это всегда чувствуется в женщинах пожилого возраста, когда они перестают за собой следить. И прическа эта ей не идет, потому что выглядит как нелепая попытка молодиться. И слишком яркий маникюр на пальцах, которые заметно старше кожи ее лица. И шея открыта, хотя ее пора уже прятать. И немного нелепы подведенные глаза, и накрашенные губы. Эта дама, кажется, перестала ориентироваться во времени. Во временах, так точнее. Во временах ее молодости и зрелости, когда все это было уместно, когда все делалось профессионально в косметологических кабинетах и маникюрных салонах. А сейчас, когда внешность женщины ближе к слову «стареющая», многое выглядит... неуместно.

– Полковник Гуров, – представился сыщик, чуть склонив голову, пока Крячко подтаскивал кресла поближе к дивану. – Зовут меня Лев Иванович. А это мой напарник, полковник Крячко, Станислав Васильевич.

– Да-да, я поняла. Вы присаживайтесь. Я бы предложила вам чаю, но, видите ли, немного занемогла, а прислуги в доме нет.

Видимо, раньше прислуга в доме была. И не только в этом. А в доме родителей Зои Васильевны, в доме родителей Козинцева. Как минимум домработницы. Вот они, осколки старых кланов московской городской знати. Это во все времена была особая прослойка: генералы, профессора вузов, директора заводов. У кого первыми появлялись личные автомобили, у кого имелись служебные автомобили, кого наперечет знали сотрудники ОРУДа, как тогда именовалась служба дорожного движения. Тогда и «синих ведерочек» было не нужно. Тогда в Москве вообще было мало машин.

– Благодарим вас, Зоя Васильевна, не беспокойтесь. Мы хотели с вами поговорить о вашем муже. И мы не сослуживцы Валерия Марковича, мы из другого департамента МВД, из Главного управления уголовного розыска.

– Уголовного розыска? – повторила женщина, как будто пробуя это словосочетание на вкус. – А разве Валерий Маркович имел отношение к вашему уголовному розыску?

– Нет, не имел. Он имел отношение к внутренним войскам, но... – Гуров сделал рукой неопределенный жест в воздухе. – Собственно, по этому поводу мы к вам и пришли. Вы согласитесь нам помочь? Видите ли, Зоя Васильевна, нам сейчас приходится собирать по крохам информацию о делах десятилетней давности. К нашему всеобщему сожалению, Валерий Маркович не дожил, но, может, вы кое-что вспомните, может, вы что-то слышали, или он вам рассказывал, или его друзья, сослуживцы.

– Но чем я могу вам помочь? Я же в военных делах ничего не смыслю.

– Только воспоминаниями, Зоя Васильевна, только воспоминаниями. Скажите, вы от мужа слышали какие-то слова сожаления, может быть, он сильно горевал о ком-то, кого потерял, кто погиб в Чечне?

– Вы знаете, мой супруг был человеком совестливым, честным, – закивала головой вдова. – Он часто высказывался на эту тему. Каждый раз, когда у нас собирались по праздникам его сослуживцы, они первый тост поднимали за погибших товарищей, за тех, кто не с нами, так они выражались. Они ведь почти все прошли Чечню.

– Может быть, они спорили, что-то горячо обсуждали?

Гуров понял, что нормального разговора уже не получится. Дама заикнулась на далеком прошлом, которое теперь слилось у нее с недавним прошлым. И в памяти все больше и больше сохраняется только хорошее, приятное для самосознания. Он сделал еще несколько попыток задавать вопросы так и иначе, но вдова каждый раз сводила все к каким-то праздничным мероприятиям. Стоило ли спрашивать прямо? Знала ли она о каких-то операциях, о каких-то Евловых, о брошенных на произвол судьбы снайперах? Выручил, как всегда, Крячко.

– Скажите, Зоя Васильевна, а вот этот мужчина, что открывал нам дверь, он кто?

– Саша? – Лицо женщины оживилось и как-то потеплело. – Сашенька – это все, что меня связывает с прошлым. Это часть истории нашей семьи. Саша Чумаков много лет назад спас Валере жизнь, закрыв его своим телом от страшного взрыва. Валера остался жив, его только контузило, и он потом какое-то время заикался. А вот Саша едва выжил. Ему оторвало ногу, сильно покалечило руку и позвоночник. Валера лично занимался лечением и реабилитацией Саши. Не удалось спасти и вторую ногу, но зато несколько операций, сделанных известным московским профессором, позволили ему подняться. У него, вы не поверите, половина позвоночника на стальных шурупах и пластинах. И протезы ему Валера заказывал за свои деньги, в Германии, кажется.

– Он возил его в Германию?

– Нет, приезжал оттуда представитель фирмы, обследовал, измерял Сашу. Они изготовили по индивидуальному заказу какие-то особенные протезы.

– Да, замечательное участие он принял в судьбе солдата, – согласился Гуров. – А как дети? Разлетелись по стране?

– Сыновья служат. Они оба, как и их отец, офицеры. Старший – летчик, командир эскадрильи, а младший – в инженерных войсках. Он строитель по гражданской специальности. А потом, как окончил институт, так и остался в армии. Положено было два года отслужить, а он остался. Теперь где-то на Дальнем Востоке. Я не запоминаю названий этих маленьких городков.

Крячко посмотрел на Гурова и еле заметно качнул головой. Бесплезно. Эта женщина живет другими воспоминаниями. Она одинока и ничего не помнит, кроме льгот и привилегий, что даются генеральским семьям. И даже нет смысла расспрашивать, а из какой она сама вышла семьи. Это очевидно.

Гуров покосился на входную дверь. Крячко понял и кивнул. Он уселся поудобнее и приготовился заняться с хозяйкой приятными воспоминаниями, пока Гуров будет допрашивать этого Сашу. Однако что придумает Гуров, чтобы выйти из разговора? Крячко с интересом посмотрел на друга.

– Прошу меня простить, Зоя Васильевна. – Лев поднялся и чуть склонил голову в вежливом поклоне. – Я должен выйти, кажется, забыл запереть машину, а у нас там важные документы. Простите, долг обязывает проверить.

– Конечно-конечно! – улыбнулась вдова. – Служба...

Гуров пошел к двери, слушая, как Крячко мягким голосом стал расспрашивать, а в каких городах Зое Васильевне удалось послужить вместе с мужем, когда он был еще младшим офицером.

Сашу он нашел возле ворот, где тот, сняв защитную крышку, ковырялся отверткой в механизме автоматики открывания ворот. Увидев подходившего к нему гостя, он положил отвертку и принялся старательно вытирать руки ветошью, настороженно глядя на Льва.

– Зоя Васильевна сказала, что вас зовут Александр Чумаков и что вы служили вместе с ее мужем.

– Да, а почему вам это интересно? – ровным голосом спросил мужчина. – Вы, как я понял, из уголовного розыска. Что случилось?

– Поговорить надо, Саша, – вздохнул Гуров. – Дела давно минувших дней, но мы встречаемся со всеми, кто мог слышать от покойного генерала Козинцева хоть что-то об определенных событиях, произошедших в марте 2003 года.

– Э-э, – усмехнулся Чумаков, и его широкие скулы шевельнули желваками. – Я тогда уже был... вот таким. Инвалидом. Я уже не служил.

– Он вас взял к себе? Садовником?

– Садовником. Только не сразу. Когда меня из госпиталя выписали, я дома жил. Мать у меня была жива. А когда умерла, я пить тогда начал. Козинцев меня случайно на улице увидел и узнал. Фактически второй раз спас.

– Как вы его?

– Как я его, – кивнул Чумаков. – А потом он заболел. Рак мозга – страшная штука. У него боли были такие, что он кричал на весь дом. Так на наркотиках и держали.

– Значит, вы в доме у них больше шести лет?

– Да, лет семь. А что все-таки случилось?

– Пытаемся восстановить события 2003 года в Чечне.

– Так Козинцев в 2003 году туда не ездил. Он после той командировки... когда меня... нас чуть не убило, больше не ездил.

– Ну, он мог знать, ведь он в Москве, в штабе служил. Может, вы что-то слышали от него? Он рассказывал о своих делах, об операциях, которые внутренние войска проводили на Северном Кавказе?

– Мы о Кавказе с ним не говорили. Не договаривались специально не упоминать, но как-то само собой получилось.

– Ладно, спрошу по-другому. А может, вы были свидетелем того, что Козинцев с кем-то из сослуживцев о чем-то горячо спорил, может, ссорились из-за чего-то, что было в прошлом?

– Да и не приходил к нему никто. Он году в 2005-м начал болеть, по клиникам его возили, из госпиталя не вылезал. Вроде удавалось как-то ему помогать, а потом Валерий Маркович сразу сдал. И за два месяца умер. Вот так-то.

– А вы где и кем служили, когда вам пришлось закрывать генерала собой?

– В автобатальоне водителем. Он на Кавказ в командировку приехал, подполковником еще был. А я его полгода возил. Вот тогда нас с ним судьба и связала одной веревочкой.

Гуров внимательно посмотрел на мужчину. Ему показалось, что Чумаков хотел что-то сказать или спросить, но не решился. Или передумал. Хотя что он мог добавить к уже сказанному?

– Ладно, Саша, – протянул он Чумакову руку. – Если я еще приду, поговорим?

– А что случилось-то, товарищ полковник? Козинцев оказался в чем-то виноват?

– Нет, не думаю. Просто тогда произошла одна очень неприятная вещь. А теперь мы расхлебываем последствия. Человеческая трагедия, Саша. Извини, но больше сказать ничего не могу. Пока это тайна следствия. Просто Козинцев мог что-то знать.

– 2003-й год, говорите, – кивнул Чумаков. – Да, в 2003-м он уже сидел в Москве, а я... только-только выбрался из госпиталей. На протезах.

Первым в кабинет вошел высокий смуглый парень лет тридцати с небольшим. Коротко остриженные волосы, сизый неровный шрам ближе к правому уху. Неторопливый в движениях, взгляд цепкий.

– Лоцилин Павел? – спросил Гуров.

– Так точно.

– Служите в конвойном подразделении СИЗО-1?

Лоцилин кивнул, продолжая бросать короткие взгляды по кабинету, видимо, пытался понять, а за каким лешим его вызвали сюда, в здание аж МВД. Может, по поводу каких-то делишек с какими-то авторитетами. Или, может, попытку побега пресекли. Теперь всех дергают из-за какого-то уroda, который пытался «ноги сделать».

– Вот что, Павел. – Гуров встал и прошелся по кабинету. Остановился перед Лоцилиным и посмотрел ему в глаза: – Вы, наверное, уже поняли по тому, как мы с вами аккуратно контактировали и с различными мерами предосторожности сюда доставили, что нам важно сохранить нашу беседу в тайне.

– Ясно, – усмехнулся Лоцилин. – К сведению принял.

– Разговор у нас с вами, Павел, пойдет о делах очень давних. Может, он будет долгим. Так что, садитесь, прошу вас. – Гуров дождался, когда Лоцилин усядется на стул возле его стола, и продолжил: – вспомните, пожалуйста, 2003 год. Где вы были, чем занимались?

– По контракту служил, – с какой-то недовольной гримасой ответил Лоцилин. – В спецназе МВД. Когда контракт подписывал, мне говорили, что мы будем колонии обслуживать, следственные изоляторы. Ну там, всякие массовые беспорядки, побеги и тому подобное. А кинули нас в Чечню. Сказали, ненадолго, а получилось, что почти на год. С июня 2002 года по апрель 2003-го.

– Ясно, – кивнул Гуров. – Обижены на свое ведомство.

– А что хорошего? Ладно, если бы по желанию, а то обманом. А когда контракт подписал, там уже, извините, приказы не обсуждаются.

– Да, когда военную форму надеваешь, то приходится пользоваться совсем другими законами. Тяжело было в Чечне?

– Не то, чтобы невыносимо, но выматывали тревоги, марш-броски бесконечные. Главное, за спиной огромное государство, огромная, хорошо укомплектованная современная армия, а нас гоняли и кидали из угла в угол, как последнее подразделение, которое осталось у генералов под руками. Непонятно. Ну и опасно, конечно. Парни погибали, а записей, что служили в горячей точке, фактически уже не делали и боевых не платили. Обидно.

– Однако служить в системе вы остались. Значит, обида не так глубока? – улыбнулся Гуров.

– Ну, обида не на всю систему, а на тех, кто руководил тогда и там. А то, что остался... так чего я еще умею? Не в СИЗО, так в полицию постовым. Или в ОМОН.

– Хорошо, я понял. Я вот о чем хотел с вами поговорить. В марте 2003 года вас с группой бойцов во главе с майором Шаминам придали батальону внутренних войск. Поступила вводная выдвинуться в горы и перехватить группу боевиков и некоего Магомеда Евлоева.

– Помню, – подняв напряженный взгляд на полковника, ответил Лоцилин. – Тогда еще Лешка Рубич погиб. Глупо погиб, даже боя не было.

– А как все произошло, помните?

– Мы сначала на двух «уазиках» летели туда как угорелые, потом ночь по козьим тропам перлись в горы. Думал, сдохну по дороге, «дыхалки» не хватало. А потом, когда Шамин приказал позиции занимать, вдруг пришел приказ по рации отойти и в бой не вступать.

– Вас удивил такой приказ?

– Почему? Им там виднее, тем, кто разведкой занимается. Может, они какой груз несли, который нужно было взять обязательно целым, может, этого Евлоева обязательно надо было взять живым. Мало ли. Мы-то только и умели, что стрелять, а там, может, какие политические игры были.

– А как погиб Рубич?

– Не успел отойти. Они с майором тогда шептались, где ему лучше позицию выбрать. Он попросился чуть выше на карнизе залечь, оттуда всю колонну как в тире перестрелял бы. И когда пришел приказ спешно отходить, чтобы боевики нас не заметили, мы сразу стали отходить вниз. Майор Рубичу передал по коммуникатору, но тот, наверное, не успел.

– То есть вы выстрелов не слышали, не было перестрелки?

– Не слышал. Да ее могло и не быть. Если они втихаря подобрались к нему, то могли и не стрелять. Навалились, горло перерезали, и все. Чечены снайперов живыми в плен не брали.

– То есть вы уверены, что он погиб?

– Был бы жив, вернулся бы.

– Логично. И последний вопрос. Вот вы слышали, как майор Шамин передавал Рубичу приказ отойти. А что отвечал Рубич?

– Как же я услышу, когда коммуникаторов было всего два? Один на голове у Шамина, второй – у Лехи.

– Вы уверены, что Рубич слышал приказ?

И тут глаза Лоцилина расширились. Он поднял голову и посмотрел допрашивающему его полковнику в лицо. От волнения и страшной догадки в горле у этого, в общем-то, повидавшего виды мужчины что-то со скрежетом провернулось.

– Вы хотите сказать... – Лоцилин откашлялся. – Вы хотите сказать, что мы его там просто бросили?

– Вы – солдаты, вы выполняли приказ командира. Решение принимал командир.

– Командир тоже выполнял приказ, который ему передали. Я его слышал. Срочно, как можно быстрее. Ни в коем случае нельзя, чтобы боевики нас заметили.

– Я ничего не хочу сказать, Павел, – заверил его Гуров. – Я хочу понять ситуацию, которая сложилась на момент получения приказа. И как он был выполнен. Я не в праве даже кого-то обвинять. Мне нужны факты и полная картина событий.

– А что случилось-то?

– Павел, вы Рубича узнали бы, если бы сейчас на улице встретили?

– Так он что... вернулся?

– Вы не ответили.

– Узнал бы. А чего же не узнать? Всего-то прошло десять лет. А он вернулся?

– Мы не знаем пока. Не знаем, но на всякий случай хотим вас предупредить. Если вы его увидите, если столкнетесь с ним, если, не дай бог, он начнет вам предъявлять претензии или высказывать желание кому-то мстить за тот случай в 2003 году...

– Мстить? – перебил Лоцилин.

– Все очень серьезно, Павел! Мы пока не знаем точно, прошло всего двое суток. Или вернулся Рубич и начинает всем мстить, или кто-то играет в вернувшегося Рубича. По крайней мере, уже убит выстрелом в голову Шамин. А перед смертью он получил по электронной почте угрожающее письмо, подписанное «Хорь».

– Леха! – выдохнул Лоцилин. – Сдурел, что ли? Или он тогда ничего не понял?.. Но я же сам слышал, как Шамин передавал по коммуникатору, чтобы он срочно спускался и уходил, что...

– Павел, мы все выясним! А вы, главное, успокойтесь и ведите себя естественно, если столкнетесь с Рубичем. Не думаю, что все вы ему враги, что он винит всех, но кто знает, в каком он состоянии? Сообщите, если узнаете, хорошо?

Лоцилин ушел, опустив голову, в состоянии глубокой задумчивости. Он даже не попрощался и не посмотрел на полковника. Просто встал, когда ему разрешили, и вышел. Через пять минут, чтобы они не встретились в коридоре, к Гурову привели Максима Тугарова. Бывший спецназовец был года на четыре постарше Лоцилина, раздобревший и, видимо, вполне довольный жизнью. С армией он уже не был связан, а имел теперь небольшой бизнес в Подмосковье.

Тугаров уселся на предложенный стул уверенно. Солидно забросив ногу на ногу, сцепил пальцы в замок на животе и приготовился слушать. Гуров мгновенно заметил это несоответствие, уверенность в движениях, в мимике и сцепленные в замок руки, которые говорили о замкнутости, попытке отгородиться, закрыться. Так, да еще сложенными в момент разговора на груди руками, закрываются люди закомплексованные, но пытающиеся произвести впечатление уверенных, успешных.

– Значит, прощай, армия? – улыбнулся Гуров. – Решили пойти в бизнес? И как, успешно идут дела?

– Да как сказать, – качнул головой Тугаров.

– Вы как-то так резко бросили службу и ринулись в бизнес. Жилку предпринимательскую в себе почувствовали?

– Сложилось так. Вернулся, а стариков уже нет. У меня под Москвой дед с бабкой жили. А когда они умерли, меня почему-то не известили. Искать родственников, наверное, было лень. А у них дом хороший остался, да и у меня кое-какие накопления со службы. А тут подкапали ко мне бизнесмены. Им этот дом и участок был нужен под какие-то там... Национальная деревня, что ли? Дом-то дед рубил красивый, с резными делами. Ну и загнал я его по хо-орошей цене.

– Как удачно у вас все совпало.

– Удачно. А бизнес вообще на дороге валялся. Одноклассника встретил, он в соседнем поселке жил. Говорит, там хозяйство какое-то распалось, за копейки все распродают. А весна, тепло, настроение хорошее. А тут... лошади!

– Лошади?

– Ну да! У них три лошади-доходяги и полуразваленная конюшня была. Лошадей всю зиму кое-чем кормили, они страшные, как смерть. И чего-то мне в голову стукнуло, покумекал я и взял. Пока суд да дело, пока оформлял, регистрировал ИП, нанятый мужичок выпас этих доходяг, они боками-то покруглели, еще он седла и сбруи починил. Через месяц я начал позванивать и приглашать по выходным на лошадях покататься с детьми и семьями. И стали приезжать. Я очумел, сколько желающих. Пришлось аж цену поднимать. Тот мужик, не поверите, так увлекся уходом за лошадьми, так ему понравилось детей и теток катать, что он даже пить бросил. А к осени я на заработанные деньги конюшню утеплил, стойла переделал, ветеринара два раза привозил, подлечил он коняшек моих. Вот уже шесть лет и занимаюсь. Коней теперь побольше.

– Хорошо, когда занимаешься делом, которое тебе нравится, – улыбнулся Гуров.

– Коже понятно! – засмеялся в голос Тугаров. – Особенно, когда оно деньги приносит. Так, а чего вызвали-то? Что-то у меня не так или...

– Или! – заверил Гуров. – Или, Максим, и это очень серьезное «или». Разговор у нас будет серьезный, не для передачи другим. Да я думаю, что вы и сами не захотите на эту тему ни с кем разговаривать.

– Ладно пугать! – с улыбкой ответил Тугаров, но улыбка уже не была такой довольной и безмятежной. – Пуганый, по молодости в спецназе ВВ служил, Чечню прошел.

– Вот об этом и пойдет речь. – Гуров решительно припечатал ладонью крышку стола и перешел к вещам самым главным. – Я хочу поговорить с вами о событиях, которые произошли 22–23 марта 2003 года в Шалинском районе Чечни.

– 2003-го? Думаете, я помню?

– Думаю, что вспомните, если я дам несколько подсказок. Весна, на носу всенародный референдум в Чечне, а разведка сообщает, что с грузинской стороны возможны прорывы боевиков с целью срыва референдума и дестабилизации обстановки в республике. Ваша группа спецназа внутренних войск была придана батальону...

– Это когда Лешку Рубича бросили! – вдруг перебил Гурова Тугаров.

Зло сузив глаза, он сразу перестал быть благодушным парнем, успешным, хотя и не очень крупным бизнесменом. Сейчас перед Гуровым сидел, весь собравшись в комок, боец, прошедший горячие точки, смотревший смерти в глаза, терявший друзей в боях, который выжил, вернулся к мирной жизни, но война так до конца его и не отпустила. Держала за живое внутри цепкими окровавленными пальцами. И не от слабости и комплексов пытался отгородиться этот парень. Он просто никого не хотел пускать туда, где есть боль, его личная, собственная, никого не касающаяся.

– Бросили? – переспросил Гуров. – Вы уверены?

– А кто не уверен? Все, кто там был, знают об этом. И Шамин от нас перевелся почти сразу, потому что знал, что пацаны ему этого не простят. Как идти в бой с командиром, который способен бросить своего солдата? Вы знаете принцип всех подразделений всего мира? «Своих не бросаем!» Это гражданскому человеку, войны не нюхавшему, непонятно, как это идти на операцию по освобождению своего товарища, идти, зная, что кто-то при этом погибнет, а может, и не один погибнет, спасая его. И тут арифметика не годится. Тут каждый должен знать, что его не бросят, что его, чего бы это ни стоило, будут спасать, за него будут драться и умирать. А Леху бросили!

Последняя фраза была с таким жаром брошена Гурову в лицо, словно он лично ответственен за то, что тогда, в 2003 году, бросили Алексея Рубича. Картина начала вставать перед

сыщиком несколько в ином свете. Получалось, что Шамин десять лет назад выполнил приказ командования слишком рьяно и преступил законы боевого товарищества спецназа. Так ли это или это все лишь мнение одного человека? Еременко никак не отреагировал на факт потери снайпера в процессе проведения этой скоропалительной операции, Лоцилин высказался очень вяло, без эмоций.

– Скажите, Максим, а вы слышали, как майор Шамин передавал приказ Рубичу?

– Нет, не слышал. Я прикрывал отход и держал сектор, когда все отходили. Наверное, передавал, только о чем это говорит? Одно дело – передать, а другое – сделать так, что бы никто из подчиненных не остался. Разницу ощущаете?

– Значит, последним отходили вы?

– Да. Чуть ли не под носом у чеченов. Наши уже далеко оторвались, и я стал по-тихому отползать. Это только потом, когда я своих догнал, узнал, что Лехи так и нет. Народ стал возбуждаться, а Шамин на крик перешел, что, мол, это был приказ сверху, что никто не знает, почему такой приказ, что есть вещи гораздо важнее наших жизней, а вдруг там судьба миллионов решалась. Короче, задавил авторитетом.

– А может, Шамин передал Рубичу приказ, которого вы не слышали и не должны были слышать, может, он получил какое-то секретное задание, поэтому сразу от группы и откололся?

– В смысле? А... вот вы о чем. Да нет! Я рядом был, когда они с Шаминам его позицию оговаривали. Леха сам предложил забраться на карниз.

Глава 4

27 марта 2003 года.

Приграничные территории Чечни

Алексей Рубич пришел в себя. Первое, что появилось в его сознании, было даже не ощущение боли, а недоумение. Почему он до сих пор жив? Память послушно выдавала отдельные фрагменты. Что-то пытался передать ему майор Шамин, да он слишком поздно понял, что связь отрубилась. Потом понял, что свои отошли. Как понял? Ах да... чечены вдруг почти открыто пошли туда, где группа спецназовцев должна была занять оборону и надежно перекрыть тропу.

Он попытался повернуться на бок и только теперь осознал, что лежит на земляном полу. В яме? Нет, солнце нестерпимо пригревает саднящий бок. Руки связаны за спиной, и грудь болит... вообще все тело болит. Почему его не убили? Чечены снайперов в плен никогда живыми не брали. А как он попал в плен?

Сквозь почти нестерпимую пульсирующую боль Рубич снова попытался восстановить в памяти все, что было после того, как он понял, что его группа отошла. Да, последний приказ был «без команды не стрелять». Приказ в армии – это все, это становой хребет службы. Если ты служишь не первый год, то привыкаешь к тому, что приказ для тебя чуть ли не основа жизнедеятельности.

«Кажется, я пытаюсь понять, почему не открыл огонь, когда боевики прошли мимо меня, – подумал Рубич. – Да, а еще я услышал, почувствовал, что меня обходят сверху, выше карниза. Нет, это было сначала, а потом они пошли открыто по тропе. А звуков боя не было. Вот тогда я понял, что моя группа отошла и я остался один. Я решил, что это какая-то хитрость, и ждал, затаившись. Еще позлорадствовал про себя, что Шамин здорово придумал выманить группу ниже по тропе на себя. Тогда боевикам пришлось бы наступать сверху вниз, а я оказался бы за их спинами и мог бы их перебить по одному, мог отрезать им путь к отступлению, не дать пройти другой дорогой.

Глупость! Почему я подумал, что это преимущество, если ты оборону держишь внизу, а наступают на тебя сверху. А-а! Оправдания искал, не хотел верить, что меня бросили.

А вот это уже просто обида, я ведь не знаю, что меня именно бросили. Меня возможно... оставили. А легче от этого? Наверное, была причина...»

И тут на Рубича сверху прыгнули двое и ударили по голове. Он даже понять ничего не успел. А потом... провал. Какие-то обрывки воспоминаний. Да, он не сразу потерял сознание, он еще чувствовал, как его несколько раз ударили, а потом... потом просто сбросили с карниза. Да, он чувствовал, что летит, подумал еще, что конец. А потом?

Он пролетел всего пару метров и, наверное, упал на каменную осыпь. Вот тут окончательно потерял сознание...

Рубич беспомощно застонал и перевернулся на спину. Теперь он хорошо видел... одним глазом стропила над головой, дощатую стену сбоку и оконце с пыльным стеклом. Сарай какой-то... И как все болит! Боль с готовностью подсказывала, рисуя в мозгу ассоциации, откуда все это взялось и как его били. Страшно били. Ногами. Челюсть болит, только бы почки были целы. Хотя... лучше нет... Сдохнуть бы побыстрее, чтобы не думалось, чтобы ничего больше не было...

Дверь распахнулась неожиданно. Кто-то схватил его за ноги и поволок по земле.

Свет, солнечное тепло... только теперь Алексей понял, как он замерз, лежа на земле в этом сарае. Непонятные мужские голоса, озноб. Его перевернули на живот. Он стукнулся лицом о землю, и рот снова наполнился соленой теплой кровью. Кажется, у него была порвана

губа. В руках вдруг появилась невероятная легкость, кажется, перерезали веревку. А потом удар животом обо что-то.

И тут его вывернуло наизнанку. Передавленная диафрагма, страшная боль, видимо, и сотрясение мозга. Он висел на чем-то, может, просто перекинутый поперек лошади, и его рвало, кто-то закричал и стегнул его по спине, кто-то громко захохотал. Рвотных масс было мало, но они сразу попали в нос, горечь во рту, спазмы, спазмы, спазмы. Сдохнуть бы побыстрее...

Алексей еще несколько раз приходил в себя и каждый раз видел перед собой только землю, камни, сухую траву. Он уже не чувствовал боли, а ощущал какую-то легкость. Как хорошо и спокойно ничего не чувствовать! Скорее бы. И тут его снова подняли с земли и снова грубо перебросили поперек лошади. И легкость кончилась. Снова начало пульсировать в голове, снова стало наливаться болью все тело.

Время перестало существовать. Муки были вечными, и в то же время они были как-то оторваны от его сознания. Их ощущало тело, а он как будто ощущал тело со стороны. Но тут губ коснулось что-то твердое, потом полилась влага. Горькая, теплая, но не кровь. Влага пахла травами, раскаленными на солнце камнями и чем-то еще.

Когда он открыл глаза, то понял, что смерть пока отошла в сторону. Второй глаз открылся и видит, значит, он цел, значит, его не выбили и не выкололи. Веко, наверное, просто слиплось от запекшейся крови. А теперь лицо промыли. Да, вот старуха с мягкой теплой тряпкой над ним. А сам он лежит на чем-то мягком, гораздо мягче просто земли или жиденького слоя соломы. И его трясет от озноба. Все тело болит, ноет, саднит, пульсирует. Но в помещении хорошо, тепло, и где-то рядом живой огонь в очаге. И пахнет травами. Это старуха поила его отварами трав. И хлебом пахнет... Сколько он уже не... Желудок свернулся в комок, и в нем протяжно засосало.

– Пей, – велела старуха, присев на край его ложа и, приподняв Алексею голову, влила в рот из ложки какую-то горькую водицу.

Он глотал, чувствуя, как горечь изгоняет мучительную жажду, разливается по телу странным теплом. Влив в него несколько ложек своего зелья, старуха встала и отошла в сторону. Алексей смотрел на ее костлявые плечи, на черный платок, опоясывающий голову по-горски. Она его явно лечит, но в лице, в интонации, в глазах нет и намек на сострадание или ненависть. Она как будто делает простую скучную работу.

– У тебя лихорадка, – негромко сказала старуха, пододвигая к лежанке большой табурет с мятым медным тазиком и какими-то глиняными мисками. – Терпи, я буду снимать с тебя одежду.

Алексей впервые обратил внимание на то, как он выглядит. Камуфляж на нем висел чуть ли не лохмотьями. По крайней мере, во многих местах он был сильно порван и почти везде пропитался кровью. Наверное, больших глубоких ран и обильной кровопотери не было, иначе бы Алексей просто умер. Но все его тело покрывали мелкие порезы, глубокие царапины, ссадины. И все это от грязи и пота стало воспаляться, гноиться. Старуха осторожно, но решительно отдирала обрывки ткани от ран. Алексей стискивал зубы, чтобы не заорать, и только корчился в сильных руках старухи.

Наконец она сняла с него все. Алексей лежал голый, грязный. Его трясло, как будто било током, бросало то в жар, то в холод, он покрывался потом. Старуха промывала ему раны отваром, что-то шептала, присыпая толченой сухой травой или цветами, а может, и другой дрянью. Алексей не заметил, как провалился в беспамятство.

Он пришел в себя в полной темноте. Или хижина этой ведьмы не имела окон, а она просто потушила свой светильник, или за окном была непроглядная ночь. Алексей вдруг почувствовал удивительную легкость во всем теле. Страшных саднящих и ломящих болей больше

не было, что-то остаточное, почти приятное. Так бывает, когда после суток изматывающей зубной боли ты вдруг ощущаешь, что она уходит куда-то и остается только легкий неприятный зуд.

Алексей блаженно закрыл глаза и провалился в сон. Впервые за последние несколько суток он спал блаженным сном праведника. Мысли о собственном будущем даже не приходили в голову. Измученное сознание просто отключилось. Так он проспал двое суток...

– Ну что? – Орлов надел форменный генеральский китель, придирчиво осмотрел себя в зеркале и закрыл шкаф. – Каково же ваше мнение, сыщики?

– Если касательно кителя, то сидит хорошо, – мгновенно ответил Крячко. – Тесноват немного в талии, а так ничего. А если касательно Рубича... то мы в очень больших сомнениях со Львом Ивановичем.

– Что вас смущает? – Недовольно посмотрев на часы, Орлов сел в рабочее кресло и посмотрел на помощников.

– Во-первых, – меланхолично заговорил Гуров, – нас смущает неоднозначность оценки ситуации, сложившейся десять лет назад, в результате которой без вести пропал Алексей Рубич. Во-вторых, нас смущает его нынешнее поведение, если это действительно он, а не кто-то, кто прикрывается его именем.

– Поясни свое «во-вторых», – вскинул бровь Орлов.

– Ну посуди сам, Петр. Ты десять лет где-то... э-э, находился. Я подозреваю даже, что черт знает где, за пределами нашей страны. Ты сильно обижен, разозлен тем, что тебя бросили, предали, что тебе искалечили всю жизнь. И ты возвращаешься карать. Знаешь, тут нормально вырисовываются две возможные линии поведения. Либо ты втихаря находишь виновников и убиваешь их, а уж потом оповещаешь мир, за что ты их убил.

– Или не оповещаешь, – поддакнул Крячко, – потому что утолил жажду мести.

– Да. Или не оповещаешь, – согласился Гуров. – Или являешься открыто бичевать, звать к совести и призывать к каре законной. Тогда ты не станешь сам предпринимать что-то незаконное. А у нас какая-то смесь здравого смысла с бредом сумасшедшего. Так не бывает, Петр.

– Бред сумасшедшего на то и бред, что он непредсказуем, – задумчиво проговорил Орлов.

– Нет, тут ты не прав, – покачал головой Лев. – Сейчас ты просто стараешься возразить из принципа, а не исходя из собственного опыта. Бред более логичен, чем здравый смысл. Бред предсказуем, потому что базируется на конкретных причинах, его вызвавших. А здравый смысл опирается на полет фантазии. Здоровой фантазии, заметь!

– Ладно, допустим. И каково ваше решение?

– Разумеется, работать в обоих направлениях, – отрезал Гуров с видом человека, которому это решение кажется очевидным.

– Не потянете вдвоем!

– Конечно. Чисто физически это сложно. Я думаю, что версию «псевдорубича» мы поручим МУРу, а сами будем разрабатывать версию настоящего Рубича.

– Ага, – улыбнулся Орлов. – По раскладу сил уже понятно, какая из версий вам кажется более правдоподобной. Все! Убегаю к начальству на совещание. Завтра вечером жду вас с планом работы по обеим версиям. Учтите, что времени нам начальство не отпустит столько, сколько мы бы хотели. Убит старший офицер МВД, скоро смежники начнут капать на нервы каждый день.

Крячко молча вел машину в потоке, который еле двигался. Вечерело. Во второй половине дня ехать в сторону МКАДа – занятие муторное. Большая часть машин движется из города. Гуров тоже молчал, откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза.

– Знаешь, Лев Иванович, – неожиданно сказал Крячко, – я вот подумал, а как легко в наше время пропасть. Как будто тебя и не было.

– Ты о чем? – не открывая глаз, спросил Гуров.

– О Рубиче.

– Я понял. А что тебя так взволновало?

– Ты посмотри, мы ведь с тобой практически не нашли людей, к которым он мог бы обратиться по прошествии десяти лет своего отсутствия дома. Как будто и не жил человек.

– Не понимаю, Стас, – проворчал Лев, открывая глаза и принимая вертикальное положение. – Чего ты хочешь? Мы каждый год, каждый месяц, каждый день, если уж на то пошло, приобретаем в процессе жизни новых знакомых, иногда людей, которые становятся тебе близкими, иногда даже друзьями. А он, судя по всему, на десять лет был вычеркнут из жизни в своем городе, в своей стране. Это нам с тобой уже много лет, и мы успели обзавестись таким широким кругом знакомых, что... А ему на момент исчезновения не было даже тридцати.

– Я не об этом, – с некоторой горечью в голосе ответил Крячко. – Сунулись мы к одноклассникам, к учителям. И что? Да, был такой, только... Ах, как время бежит! А мы, оказывается, ничего о нем и не знаем. А где он сейчас? А что с ним? Такое ощущение, что, не приди мы с тобой к ним, о нем бы навсегда забыли.

– Надеюсь, его невеста не забыла.

– Невеста! – Крячко погрозил кулаком кому-то из водителей, совершивших опасный маневр. – Невеста, это та, которая готовится стать женой. А если человек просто исчез, то сколько она должна его ждать? Где описаны сроки, даются советы на этот счет?

– Вот тут, – постучал Гуров себя по левой стороне груди. – Тут единственно верный советчик и учитель.

– Сердце краса-авиц, склонно к измене и к перемене-е, – пропел Крячко.

– Даже если и так, я не стану осуждать.

Наконец сыщики миновали Новослободскую и свернули на улицу Яблочкова. Здесь движение было не таким интенсивным, и они без особого труда нашли старую одноподъездную девятиэтажку. Тенистый палисадник по обеим сторонам от дверей подъезда разбила, видимо, сами жильцы, слишком разномастными были клумбы, кустарники и деревца, высаженные тут. Желтые и алые тюльпаны весело гнездились на клумбах с левой стороны. От этого правая часть палисадника казалась бедной и невзрачной.

Крячко, не склонный к сантиментам, тут же подошел к двери и нажал кнопку домофона, представившись и напомнив о договоренности. Дверь открылась. Старомодный лифт, с деревянными дверками кабинки и железной наружной сетчатой дверью, отдавал эпохой пятидесятых. На шестом этаже их уже ждали приоткрытая входная дверь и молодая женщина в джинсах и футболке.

– Вы – Настя, да? – вежливо спросил Крячко. – Я – Станислав Васильевич, я звонил вам. А это – полковник Гуров. Лев Иванович.

– Да, я поняла. – Женщина кивнула и отступила в квартиру. – Проходите, пожалуйста.

Гуров прошел следом за Крячко в маленькую прихожую, откуда открывался вид на большую кухню с диваном и дверью в лоджию. Левая дверь вела в большую и, видимо, единственную комнату. Интерьер оказался вполне современным, хотя Гуров был почти уверен, что увидит остекленную стенку с книгами, полированный стол в центре комнаты и хрустальную вазу на кружевной салфетке.

Видение пропало, никаких интерьеров прошлого века. Окно со сложными гардинами сочных цветов, ламинат на полу, большой раскладной диван слева, стенка-горка с телевизором сбоку, напольная ваза у окна, кресло напротив телевизора. Пока Гуров осматривался, Крячко увивался возле хозяйки, старательно пытаясь расположить ее к себе. Она пригласила их побеседовать на кухне за чашечкой чая.

– Скажите, – перешел Гуров к делу, когда они расселись, обсудили погоду и попробовали по конфетке из открытой для них коробки «Ассорти». – Вы помните Алексея?

– Не поняла вас. Вы же мне и звонили, что хотите встретиться и поговорить о нем?

– Да, – улыбнулся Гуров. – Наверное, я просто не очень хорошо сформулировал свой вопрос. Вы хорошо помните Алексея, его характер, манеру поведения, его мышление?

– А-а! – Анастасия как-то поникла плечами и ткнула носом в чашку с остатками чая. – Не знаю... Наверное, помню.

Мудрый Крячко, еще когда договаривался с Анастасией по телефону о встрече и излагал причину, сразу предложил ей побеседовать сначала наедине, без мужа, не все ему стоило слышать. И оказался прав. В его отсутствие она была более открыта и искренна.

– Вы знаете, – помедлив немного, продолжила Анастасия, – он был бережным в отношениях. Не знаю, как вам это объяснить. Не просто умел ухаживать или руку подавал при выходе из транспорта. Хотя и это было. Он как-то умел на шаг вперед смотреть. Понимал, как яотреагирую, как поведу себя. И в то же время он не был нежным. Меня это даже как-то немного задевало. Грубоват, что ли. И не потому, что уже завоевал меня и успокоился. Нет, он всегда был таким.

– И это вас в нем не отталкивало?

– Вы плохо знаете женщин, – вдруг сказала Анастасия. – Им нравятся сильные brutальные мужчины, они к этой силе тянутся. А в душе им все равно хочется ласки и нежности. Но ведь в одном человеке такое не сочетается, и женщины выбирают силу. Наверное, так заложено природой.

– А можно вам задать вопрос? – сказал Крячко. – А как бы повел себя Алексей в бытность ваших с ним отношений, если бы узнал, что вы... простите великодушно, если бы узнал, что вы ему изменили?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, – покачала головой Анастасия.

– Простите, что задали вам такой вопрос, – развел руками Крячко, – но постарайтесь все же ответить.

– Я стараюсь, – вымученно улыбнулась женщина. – Только мне сложно отвечать, потому что такого между нам не было и быть не могло. Леша не был ревнивым, хотя если бы такое произошло с другой женщиной на моем месте, то... Не думаю, что он стал бы устраивать сцены. Вообще-то прощать он не особенно умел. Я помню пару случаев из его рассказов, когда его подвели или предавали друзья. Это еще из школьных лет. Так вот он их не простил.

– Это школьные годы, – вздохнул Гуров, – там все немного по-другому, чем во взрослой жизни. Значит, просто повернулся бы и ушел?

– Да, наверное, – кивнула женщина.

– Или все-таки мог ударить?

– Может, и мог. Я не проверяла.

– Ладно, – как можно теплее улыбнулся Гуров. – Давайте смоделируем ситуацию. Вот вы, или иная женщина, которую он любил в тот момент, предала его, изменила ему. Даже, допустим, с его же другом. Он стиснет зубы, повернется и уйдет? Или сквозь стиснутые зубы все же назовет ее и его нехорошими словами, а уже потом уйдет. Или все-таки ударит, пусть молча, а потом уйдет? Ну, что ближе к личности Алексея Рубича?

– Он что-то совершил и теперь в колонии? – неожиданно выпалила Анастасия и со страхом посмотрела на сыщиков. – Он не пропал без вести?

– Настенька, – расплылся в добрейшей улыбке Крячко, – мы обязательно вам все расскажем, ничего не утаим. Но для объективности оценки нужно, чтобы вы пока ничего не знали. Так ответьте нам, что ближе из перечисленных ситуаций к личности Алексея Рубича?

– Н... не знаю, – медленно проговорила Анастасия. – Я же говорю, что до такого у нас не доходило, а представить... Представить, что он ударит женщину? Не знаю... как-то не могу. Пожалуй, он был слишком мягок для того, чтобы ударить женщину.

– Настя! – Гуров посмотрел женщине в глаза. – А вы знаете, где и кем он служил в то время, когда у вас с ним были отношения?

– Он? Он в армии служил. По контракту. Говорил, что на Северном Кавказе, но там вроде бы уже не опасно.

– А кем? Кем он служил?

Женщина посмотрела на гостей совсем уже испуганным взглядом. По ее лицу было видно, как внутри борются два желания: потребовать наконец ответа, что это за вопрос, или все же дисциплинированно отвечать, ведь полиция, тем более Главное управление уголовного розыска, просто так не приходит.

– На складах, – упавшим голосом ответила Анастасия. – Он не велел никому рассказывать, потому что это секретная информация. Наверное, он поэтому и в оружии хорошо разобрался, что служил на складах вооружения, так он их называл. Так что случилось-то?

Вопрос был задан с такими истеричными нотками, что Гуров решил: достаточно, хватит темнить, пора разговаривать откровенно. Женщина и в самом деле уже стала забывать, каким он был на самом деле – ее жених Алексей Рубич.

– Ладно, – сказал Гуров. – Теперь наша очередь говорить вам правду. Алексей никогда не служил на складах. Он был хорошим специалистом в своем деле, очень хорошим. И его очень ценило начальство. Только вот специальность у него была иная. Он был снайпером, Настя.

– Снайпером? Это когда...

– Да, это когда человек лежит в укромном месте с винтовкой с оптическим прицелом и убивает из нее людей. Не в смысле, что хороших людей. Врагов, конечно, боевиков, бандитов! Но поймите, что характер человека, который в самом деле несколько лет прослужил на складе, и характер человека, который легко убивает и потом не мучается и не терзается, – это два разных характера. Сильно разных! Мы рассчитывали на то, что вы хорошо знали Рубича, помните его. Наверное, вы просто нарисовали себе его личность, так?

– Не знаю... – прошептала Анастасия, потирая виски пальцами. – Это как... убивал боевиков, бандитов. Он стрелял в людей? Воевал, а мне говорил, что... Да, я его в самом деле, оказывается, не знала. Что же с ним произошло? Он погиб, да? На войне?

– Никто не знает, Настя, – ответил Гуров. – В 2003 году он пропал без вести во время одной операции по обезвреживанию группы боевиков. А теперь, спустя десять лет, у нас появились основания подозревать, что он вернулся. И не просто вернулся, а вернулся для того, чтобы отомстить. Отомстить тем, по чьей вине тогда с ним случилось несчастье.

– А что с ним случилось, как все это произошло?

– Никто не знает, что с Алексеем было потом. Как он остался один, знают многие и приводят десятки объяснений и причин. А что было потом, нам остается только догадываться. Он очень зол на весь мир, Настя. И нам со Станиславом Васильевичем кажется, что он обязательно придет к вам. Ведь когда-то никого ближе вас у него не было.

– Ко мне? Но почему ко мне, зачем? – быстро заговорила Анастасия. – Это было давно, это было десять лет назад! У меня семья, муж... Я не хочу...

– Настя, он придет за помощью, – подсказал Крячко. – Ему плохо, а вы близкий ему человек. Если он придет, если вам удастся с ним увидеться, то просто поговорите с ним. Поговорите как женщина. Убедите его, что никто не виноват, что виновата война. Некого винить, незачем причинять горе еще и людям, которые ни в чем не виноваты.

– Он что... – перешла на шепот Настя, – он убить кого-то хочет?

Гуров мысленно чертыхнулся. Очень не хотелось ее пугать, не хотелось, чтобы она Рубича боялась. Они с Крячко сразу договорились, что про убийство Шамина и возможные другие будут молчать. Но женщина сама стала догадываться, что ситуация какая-то не очень простая.

– Понимаете, – схитрил Крячко, делая простецкое лицо, – придет он куда-то к своим бывшим сослуживцам и начнет без разбору морды бить. А не дай бог, ударит полковника, генерала! Его же посадят, вот тебе и вернулся домой! Он ведь горячий.

– Он не горячий, – задумчиво ответила Анастасия, – он рассудительный. Иногда мне казалось, что он просто зануда, а он... вот оно что. Снайпер! Теперь понятно, почему у него и в жизни все было по полочкам разложено.

– И еще, – строго произнес Гуров, – мы должны предупредить вашего мужа.

– Зачем? – вспыхнула Анастасия.

– Он так ревнив? – тут же с улыбкой осведомился Крячко.

– Нет, но... ему-то зачем знать, и...

– Вот именно, – Гуров вздохнул, – вы все сами понимаете. Придет Рубич, ваш муж не будет знать всей ситуации. Может получиться нехорошо. А так мы ему все объясним. Может, он даже вам поможет поговорить с Алексеем. По-мужски! Ведь месть – это от слабости.

– Месть – это от обиды, – тихо ответила Анастасия и встала.

Она повернулась к плите, снова зажгла газ под чайником и молча стояла, думая о чем-то своем. Тишина на кухне воцарилась такая, что, пролети сейчас муха, ее жужжание раздается грохотом мотора вертолета. И в этой тишине четко и зловеще щелкнул дверной замок. Гуров видел, как плечи Анастасии вздрогнули и опустились.

– Это Петя, – сказала она и вышла в прихожую.

Тихо забубнили голоса. Ее – повыше, мужской, удивленно-недовольный, – пониже. Потом зашелестела куртка, снимаемая с плеч, стукнули сброшенные на пол туфли. Тихие, но решительные шаги зашуршали домашними тапками по ламинату.

– Здравствуйте! – На пороге кухни возник крепкий молодой мужчина в немодных джинсах и чуть великоватом, но новом и опрятном свитере. – Это вы из полиции?

– Полковник Гуров, Лев Иванович, – представился, поднимаясь с табурета, сыщик. – А это – мой коллега, Станислав Васильевич Крячко. Мы, собственно, уже закончили беседу с Анастасией, теперь вот ждали вас, Петр.

– Да-а? – как-то неприятно произнес мужчина. – Извините, мы знакомы восемь лет всего, а прошлую жизнь жены приплетать сюда не надо. Или там было что-то такое, что полиции приходится расследовать?

Гурову очень не понравились интонация и намеки. Как-то гаденько получилось все это. Даже Анастасия покраснела, стыдно ей за мужа! А женщине за мужа стыдно быть не должно, женщина устроена так, что она должна им гордиться, в противном случае жить с ним она не будет. Бывают, конечно, исключения, когда жалеючи живут и с алкоголиками, и с тунеядцами, но это особая статья женских характеров – жертвенность.

– Давайте сядем, Петр, и перейдем к делу, – постарался как можно суше произнести Гуров. – Дело серьезное.

– Ну давайте, – снисходительно ухмыльнулся мужчина и первым сел на стул, который предусмотрительно освободил Крячко.

– До вашего знакомства с Анастасией, Петр, у нее был жених. Вы это наверняка знали, когда женились на ней. Это не секрет, это жизнь. Они расстались потому, что он неожиданно перестал писать ей из армии. Она ждала, пыталась выяснить, почему вдруг Алексей, так его звали, перестал ей писать. Решив, что он нашел другую, постаралась вычеркнуть его из жизни. Потом встретила вас, полюбила... – Последнее слово Гуров специально произнес с нажимом, стараясь скрасить предыдущий поток информации положительными эмоциями. Он видел,

каким каменным стало лицо Петра, когда сыщик начал рассказывать прошлую историю любви его жены. Неприятно, но надо. – Совет вам, как говорится, да любовь, – продолжил Лев. – С тех пор прошло десять лет, вы восемь лет женаты, дай бог вам и дальше счастья. Но дело в том, что Алексей перестал писать Насте не потому, что нашел другую, а потому, что пропал без вести на Кавказе. Теперь он, как мы подозреваем, появился. Что ему пришлось пережить, если это на самом деле он, остается только догадываться. Он вернулся злым и с массой вопросов к своим бывшим командирам.

– И че? – набычился Петр. – Наверное, этим командирам и поделом. Пусть ответят парню на вопросы, которые у него к ним накопились. Мы-то здесь при чем?

– Вы здесь ни при чем. Просто этот Алексей в таком состоянии, что мы полагаем... Наверное, он может попытаться найти Анастасию. Он же не знает, что она вышла замуж.

– Чего-чего? – Петр стиснул лежавшие на столе кулаки и побледнел.

– Петр, вы не злитесь, – с сожалением посмотрев на Анастасию, сказал Крячко. – Просто постарайтесь понять человека, который попал десять лет назад в беду. Не надо его ревновать к жене. Он узнает, что она замужем, и уйдет. Для любого нормального мужика это всегда было основанием для того, чтобы не вмешиваться в чужую жизнь. Он наверняка предполагал, что за десять лет могло измениться многое. Мы просим вас лишь о том, о чем просили и Анастасию. Если придет, просто поговорите с ним. Убедите, что здесь у него врагов нет. Что нет виноватых в его судьбе и не надо никому мстить и коверкать остатки своей жизни.

– Поговорить я вам обещаю, – процедил сквозь зубы Петр. – Обещаю не остаться безучастным.

Женщина вдруг схватила кухонную тряпку, прижала к лицу, вовремя заглушив какой-то странный утробный звук, потом поспешно выскочила из кухни. Все трое смотрели вслед Анастасии, только с разными выражениями лиц.

– Что вы комедию ломаете? – зло спросил Гуров и резко поднялся. – Отелло хренов! У нее что, до вас не могло быть любви? Надо было встретить ее раньше, еще школьницей, и влюблять в себя, а не ломать комедию перед нами. Вы хоть в состоянии понять, что вокруг вас живут тоже люди, и у этих людей тоже есть жизнь? Разная!

– А я ничего и не говорю, – криво ухмыльнулся Петр. – Есть жизнь. И у меня есть жизнь.

– Знаешь что, приятель. – Крячко подошел к Петру и посмотрел ему в глаза. – Ты бы не геройствовал. Он парень крутой, убить может. Постарайся обойтись по-человечески.

– Посмотрим.

Гуров и Крячко вышли из квартиры и стали спускаться на первый этаж по лестнице. Лев несколько раз обернулся на дверь, как будто сомневался, что они сделали все и сказали все, что нужно.

– Вот урод, – проворчал Стас. – Он ведь ей сейчас скандал устроит. Баба ни за что пострадает. Мало того что мы ей соли на душевные раны подсыпали, так этот герой сейчас ей нервы помотает.

– Не помотает, – вздохнул Гуров. – Она женщина сильная, такие себя в обиду не дают. Ты заметил, как одет этот Петр, предполагаешь, где он может работать с его интеллектом?

– Хочешь сказать, – усмехнулся Крячко, – что она за этого вышла потому, что ей показалось, что ее бросил Рубич?

– Конечно, это не герой ее романа, а она еще пару лет любила и ждала. А когда устала ждать, когда поняла, что ждать нечего и некого, вышла за того, кто первым предложил. И в одежде она верховодит. Видишь, мужик ухоженный, чистый, только без души одет, с некоторой клоунской тематикой. И на работу, думаю, она его устроила, подыскав место не слишком пыльное. Она сильная, он слабый, а слабость свою агрессией прикрывает. Ох, наломает он дров, если Рубич к ним придет.

– Ты знаешь, Лев Иванович, мне кажется, что не придет он к ней. Во-первых, это квартира ее мужа. Он будет ее искать и сразу узнает, что она замужем. Думаю, он просто не пойдет дальше. Не это его цель, если это настоящий Рубич. А если не настоящий, тем более делать ему там нечего. Ненастоящий о ней может даже и не знать.

Они вышли на улицу под теплое весеннее заходящее солнце и аромат весенней зелени, которой, стараниями жильцов, вокруг было много. Гуров задумался и даже немного отстал от напарника, когда на его поясе зазвонил телефон.

– Лев Иванович. – Угрюмый и деловитый голос Орлова сразу не понравился сыщику. – Сюрприз вам со Станиславом. Аналогичное письмо с угрозами получил генерал-майор полиции Волжанов. Запоминай адрес.

– Чертовщина какая-то! – не удержался от восклицания Гуров. – Вообще никакой логики! Этот тут при чем, если он генерал-майор полиции, а не внутренних войск?

– Вот ты меня и просветишь, когда разберешься, – съязвил Орлов. – Думаешь, я уже не наслушался аналогичных вопросов от начальства? Разворачивайте свои импортные оглобли, включайте «синее ведро» и галопом на Балаклавскую улицу.

Элитный дом, двухуровневая квартира, охраняемая территория, подземный гараж, большой холл на первом этаже дома, в котором вместо портье стоит детина в черном костюме со зловещим бейджиком ЧОП «БлокПост». Гуров молча предъявил удостоверение, и их с Крячко мгновенно сопроводили до лифта.

Генерал Волжанов был крупным седовласым мужчиной. Спортивный костюм на нем трескался в талии и не держался на бедрах, да и в лице генеральского что-то было маловато. Широкое доброе лицо отставного генерала выражало горькую досаду и непонимание происходящего. Судя по всему, отсюда только-только уехали представители московской полиции, пообещав, что судьбой генерала займутся специалисты.

– Наконец-то! – Пожимая руки новым гостям, генерал откровенно радовался. – Я уж и не знаю, что думать и как себя вести. Что мне можно, что теперь нельзя. Это же... Это же нелепость какая-то! Или чья-то злая шутка.

– Давайте по порядку, – предложил Гуров, озираясь в огромной квартире. – У вас есть кабинет, где мы могли бы спокойно поговорить? Кстати, каков состав вашей семьи и кто сейчас дома?

– Супруга, – тряхнул седой гривой Волжанов. – Она сейчас у себя, наверху. Напилась корвалола и лежит. Страху натерпелась, даром что генеральская жена. А больше никого нет. Собственно, с нами внуки живут... внук и внучка. Но они на занятиях в университете. Так что я один. Вы проходите, проходите.

Через большую гостиную, больше похожую на зимний сад из-за обилия напольных ваз с цветами и пандуса, плавно переходившего в огромную лоджию, они прошли к дальней стене, где обнаружилась дверь матового стекла, ведущая в кабинет генерала. Пропустив гостей, он прикрыл дверь и развел руками – вот, мол, моя святыня, где я мемуары строчу и от надоедливых внуков прячусь.

Комната около двадцати пяти квадратных метров была умело зонирована большим диваном и открытой полкой-стеллажом. Были тут и рабочий стол с компьютером, и кресла у окна, и кофемашина на отдельном столике возле бара, и огромное окно во всю стену, забранное сложной композицией тканей разных цветов.

– Итак, позвольте нам все-таки представиться. Полковник Гуров, Лев Иванович, Главное управление уголовного розыска МВД России. Мой коллега, полковник Крячко, Станислав Васильевич. Теперь можем сесть и выслушать вас... Сергей Викторович.

– Да-да, – взволнованно потер руки генерал. – Сергей Викторович. Я вот за этим столом работаю, знаете ли. Пишу воспоминания, о молодости, наброски всякие. Знаете, когда-то

в молодости хотелось стать писателем, да все времени, знаете ли, не хватало. А сейчас вот времени много, а глаза разбегаются. С чего начать, о чем лучше. Да и как-то страшновато начинать. Оно же, знаете ли, для чего-то делается.

– Простите, Сергей Викторович, мы поняли вас, – перебил его Гуров. – Как вы обнаружили угрожающее письмо?

– По почте, – даже как-то обрадовался Волжанов, что ему не надо рассказывать о своих мемуарных потугах. – По электронной почте. Я по привычке открываю, даже не задумываясь, от кого письмо, а там... Да я вам сейчас его покажу, идите сюда.

Гуров подошел к включенному компьютеру, дождался, пока склонившийся над клавиатурой генерал не закончит щелкать мышкой, и посмотрел на экран, на котором красовался короткий, но энергичный текст:

«Волжанов, ты забыл уже о своем предательстве? А я выжил. И каково должно быть наказание за то, что ты предал товарища по оружию? Или продал? Я думаю, что тебе лучше подохнуть!

Сержант Рубич».

– А парень не особенно старается разнообразить свой стиль, – проворчал за спиной Крячко. – Слово в слово – прошлый текст, за исключением обращения и подписи.

– Что? – заволновался генерал. – Какой прошлый текст? Он уже для меня оставлял какие-то тексты? Но где?

– Вы, Сергей Викторович, не волнуйтесь, как это не нелепо звучит, – тихо сказал Гуров. – Давайте сядем и поговорим.

– Давайте! – Отставной генерал с готовностью плюхнулся в кресло и со смешным достоинством забросил ногу на ногу, отчего тапочка на его ноге закачалась.

– Вы – человек в погонах, хотя и на пенсии, – начал Лев, – генерал полиции, поэтому нечего нам играть с вами в прятки. Опасность есть, но вы, думаю, к ней за годы службы привыкли. Да, это угроза, но насколько она реальна, мы пока не знаем. Наверное, реальная, если отправитель не ошибается. Предыдущее письмо получил некто полковник полиции, пенсионер. Фамилия его Шамин, зовут Георгий Павлович. Он был убит на следующий день после получения письма выстрелом сзади в голову.

– Что-о? – перешел на изумленный фальцет генерал. – Убит? После такого же вот письма?

– Так точно, – кивнул Гуров.

– Ну знаете... – Волжанов вскочил на ноги и принялся возбужденно ходить по просторному кабинету, зябко обхватив себя за плечи руками. – Привык за годы службы... генерал полиции... Я, к вашему сведению, кабинетный генерал, штабной. Это вы с бандитами всякими, с пистолетами, а я пистолет в последний раз в кобуре на поясе носил лет десять назад. Собственно, тогда и носил. Я же в Чечне начальником штаба бригады был. Чушь какая-то!

– Что чушь? – спросил Гуров, с интересом следя за тем, как бегают по кабинету генерал. – Угроза – чушь?

– Угроза, ситуация, все! Все чушь! А вы-то что по этому поводу думаете? Почему мне ничего не объясняете? В Москве, в наше время, среди бела дня убивают полковников и генералов полиции, а вы сидите и молчите!

– Мы ждем от вас рассказа, Сергей Викторович, – терпеливо ответил Гуров. – И, пожалуйста, перестаньте бегать. Мы предупреждены, а значит, теперь можем взять вас под охрану. Это с полковником Шаминым все получилось неожиданно. Он даже не прочитал этого предупреждения. Так как, по-вашему, Сергей Викторович, вы имеете отношение к судьбе сержанта Рубича?

– Какое, к чертям собачьим, отношение! Он кто, что за Рубич, что за история? Вы мне сначала объясните, о чем идет речь.

И Гуров терпеливо пересказал историю, случившуюся десять лет назад в Чечне, в результате которой снайпер Алексей Рубич оказался брошенным своим командиром майором Шаминым и пропал без вести в горах. И, так же терпеливо, пересказал сформировавшуюся версию, что Рубич остался жив, вернулся и теперь настроен жестоко отомстить всем, кто имел хоть какое-то отношение к его трагической судьбе. И сыщики опрашивают всех участников тех событий, пытаюсь понять, что произошло на самом деле, есть ли тут вина кого-то конкретно.

А еще, этого Гуров тоже не стал скрывать от отставного генерала, полиция не уверена, что это настоящий Рубич вернулся мстить и карать. Вполне возможно, кто-то просто прикрывается его фамилией. И тогда цель этого человека вообще перестает быть понятной. Во всем этом срочно надо разбираться, потому что нет никакой гарантии, что совершенному убийству всегда будут предшествовать предупреждающие и обличающие письма.

Генерал обреченно упал в кресло и, побледнев, стал нервно пожимать плечами:

– Товарищи, я вообще ничего не понимаю. Точнее, теперь я понял, конечно, но не понимаю, а при чем тут я? Я вообще никакого отношения к судьбе этого снайпера не имею. Я не командовал спецназом, он нам не был подчинен. Нам передали одну группу во главе с майором Шаминым и все. Для усиления, понимаете? Но даже этой группе приказ передавал не я. Да, я планировал операцию, целью которой было помочь пограничникам перекрыть наиболее уязвимые участки грузинской границы, откуда могли просочиться группы боевиков. Да, я руководил передвижением подразделений, но... Нелепость какая...

– В свете того, что вы рассказали, это выглядит в самом деле как нелепость, – согласился Гуров. – Но Рубич должен был понимать, что приказ исходил не от вас, что приказы на перехват или уничтожение групп боевиков исходят от... других людей и ведомств. В любом случае от своих командиров, от командиров спецназа, которые, в свою очередь, получают приказ... свыше.

– Должен! Обязательно должен, – заверил Волжанов. – Понимать должен, а вот понимает ли? Может, он вообще ненормальный! Может, он свихнулся! Нет, вы в самом деле такую точку зрения не проверяли? Это же многое объясняет!

– Но ни в коем случае не умаляет опасности, – вставил молчавший до этого Крячко, – а может, и усиливает ее. Мы чаще имеем дело с вполне адекватными, пусть и хитрыми преступниками. А с помешанными бывшими снайперами – редко. Вот мы к вам и пришли с двумя целями – защитить вас, а заодно понять, кому Рубич еще захочет отомстить, кроме вас и Шамина.

– Да, – почесал бровь Гуров, – теперь вообще непонятно, на кого он переключится. Логика теряется. При чем здесь начальник штаба бригады внутренних войск, от которого никаких приказов не шло и кто к этому заданию никакого отношения не имеет? Скажите, Сергей Викторович, вы ведь не передавали приказ лично для группы майора Шамина?

– Я просто не помню всей ситуации, – угрюмо проворчал сидевший в кресле генерал. – Я даже не помню, что там были потери, что кто-то пропал без вести. Принять решение и приказать группе спецназа я не мог, это вообще не моя епархия. Я мог продублировать приказ, поскольку передавать его пришлось наверняка средствами радиосвязи. То есть формально он пришел к Шамину из штаба бригады, но источником был не штаб, а их командование.

– Рубич это должен был понимать? – снова вставил вопрос Крячко. – Нас больше это волнует.

– Должен... – пробормотал генерал. – Каждый солдат должен знать устав, знать своих командиров и их полномочия. А на самом деле, откуда я знаю, что он там себе напридумывал? – Неожиданно его лицо как-то посветлело; и он выкинул вперед руку с выставленным указательным пальцем: – Вы должны переговорить с подполковником Коростелевым. Соб-

ственно, это тогда он был подполковником, а сейчас... Его надо найти. Я, видите ли, уже летом 2003 года был отозван в Москву в распоряжение МВД и о судьбе многих офицеров бригады ничего не знаю. Но Коростелев тогда командовал тем самым батальоном, которому и была придана группа спецназа майора Шамина. Вот! Приказ передали первым делом Коростелеву, а он должен был обеспечить выполнение группой этого приказа. Создать, так сказать, условия для выполнения.

Гуров подумал, что генерал сейчас радуется как ребенок, что нашел крайнего, что вот-вот все разрешится и выяснится, что виноват Коростелев и все сейчас кинутся его искать. И тут же, при попытке покушения на подполковника, возьмут этого сумасшедшего снайпера. И все снова станет как прежде – тихо, спокойно, обыденно. Как и положено на заслуженном отдыхе генерала.

– Мы вас огорчим, Сергей Викторович, – покачал головой Крячко. – Полковник Коростелев погиб в результате дорожно-транспортного происшествия в марте этого года в Дагестане. Он проживал там после выхода на пенсию. С самого начала он был у нас в списке первых, с кем мы хотели побеседовать, но... увы.

– Вы полагаете, что это просто ДТП, случайность? – осторожно и даже чуть вкрадчиво спросил генерал.

– Мы сделали запрос, но официального ответа пока не получили. В разговоре по телефону дознаватель рассказал, что оснований для подозрений на умысел пока нет. Второй участник ДТП находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. Он тоже погиб. Умер спустя два часа после аварии.

– Да-да, конечно, – кивнул генерал. – Но все же... в марте этого года. Как-то по времени слишком подозрительно все совпадает. Жалко... Коростелев многое мог бы пояснить.

– Я полагаю, – поднялся с дивана Гуров, – жаль не только, что погиб ценный свидетель, а жаль, что вообще погиб просто человек. С минуты на минуту придут сотрудники аппарата МВД для вашей личной охраны. Командир группы в курсе событий, он примет меры к осуществлению безопасности не только лично вас, но и членов вашей семьи, чтобы у преступника не было возможности шантажировать вас.

– О господи! – пробормотал генерал, сильно потирая бледное лицо. – Чертовщина какая-то. Его даже трудно преступником называть, если там в самом деле что-то такое произошло.

– Хорошо, что вы это понимаете, – сухо ответил Гуров.

Глава 5

Сеанс связи по скайпу состоялся этим же вечером. Широкое лицо молодого мужчины лоснилось от пота. Было видно, что за его спиной в оконном проеме темнели горы, а где-то прямо за окном вился дымок, и слышались громкие веселые голоса. Создавалось впечатление, что компания жарила шашлыки.

– Пап, вот, – появилось сбоку строгое лицо девочки, – видишь в углу? Это твое изображение, как ты у них на экране выглядишь. Подвинься, чтобы лицо было в центре квадрата, и ты у них будешь в центре экрана. Все, я пошла к девчонкам!

– Здравсте, – добродушно сказала лицо мужчины, и рука с платком вытерла пот со лба и на верхней губе. – Извините, у нас тут веселье, родственники жены приехали в отпуск.

Это был водитель командирского «уазика», машины командира батальона подполковника Коростелева. Именно в тот день, 21 марта 2003 года, под вечер командир распорядился передать два «уазика» без водителей спецназовцам для выполнения операции.

– Вы Саша Пеньков? – спросил Гуров.

– Да, он самый, – кивнул собеседник. – Мне сказали тут в местной полиции, что вы хотите расспросить про времена моей службы в армии.

– Да, во внутренних войсках. Вы ведь там служили?

– Да, водителем, шесть лет.

– Саша, вспомните, пожалуйста, 2003 год, Шалинский район, где стояла ваша бригада. 21 марта, накануне референдума, ваш батальон выдвинули ближе к границе.

– Конечно, помню! Комбат тогда приказал два «уазика» спецназу отдать. Я потом несколько дней «ходовку» перебирал, рессора лопнула...

– Саша, нас вот что интересует, – вежливо перебил собеседника Гуров. – Вы, я вижу, все хорошо помните. Скажите, при вас происходил разговор подполковника Коростелева с командиром группы спецназа майором Шаминым, когда он передавал приказ из штаба?

– Это чтобы спецназовцы в горы выдвинулись на перехват какого-то там главаря боевиков? Да, я за рулем сидел, а комбат стоял на подножке машины, с картой в руке. Он велел Шамина позвать, а когда тот прибежал, передал ему приказ выйти в горы в указанную точку. Еще сказал, что людей не хватает и помочь Шамину он ничем не может. Только даст две машины, но без водителей.

– А почему без водителей? Странно как-то.

– Не странно, – пожал плечами Пеньков. – Тут дело даже не в том, что в батальоне людей не хватало. Двумя больше, двумя меньше. Просто комбат отвечал за своих людей, а если бы кто-то из нас погиб в бою вместе со спецназовцами, ему пришлось бы отвечать. За потери ведь спрашивали очень строго, это я слышал, командира как-никак возил. И я так понял, что напрямую комбату никто не сказал, чтобы он группу спецназа усилил своими бойцами. Ему приказали оказать содействие и посильную помощь в проведении операции. И не в ущерб своему заданию. Так что, как ни крути, а комбат был со всех сторон прав.

– А как свою работу спецназ тогда выполнил?

– Я не знаю, честно. Мы потом на бэтээре с пацанами приехали, наши машины забрали, и в расположение бригады. А больше... не знаю. А что?

– Как вам сказать, Саша. Неприятность там произошла, пропал без вести тогда один парень.

– А-а, – ухмыльнулся Пеньков, – теперь всплыло, и виноватых ищут? Только комбат тут не при делах, Коростелев был мужиком что надо, настоящим батей-комбатом. Ему приказали, он выполнил. У каждого своя работа, свое задание. У нас было задание перекрыть границу. А в чем его обвиняют-то?

– Коростелева? Его не обвиняют. Тут дело в другом, кажется, пропавший парень нашелся и начал мстить тем, кто его тогда бросил, как он считает.

– Этическая сила! – Пеньков вытаращил глаза. – Не хило, если это правда! Если он где-то выжил, то сейчас злой как собака. Вы по возможности сообщите нашему комбату, мало ли что этому парню в голову взбредет.

– Саша, – Гуров сделал паузу. – Саша, ваш бывший командир батальона около полутора месяцев назад погиб в дорожно-транспортном происшествии. Сочувствую. Вы его любили.

– Бли-ин, – протянул Пеньков и его глаза потускнели. – Вот жалко, настоящий командир был, батяня. А что, в самом деле ДТП?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.